

Цепной Пёс



— ◆ — АВА АРНЕЛЛ — ◆ —

Ава Арнелл

Цепной пёс

<https://litres.ru/74607008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сарина Элвери застряла в безрадостном браке и каждый день сходит с ума от одиночества и страха. Единственная её поддержка — подруга Ренна, чья жизнь неожиданно меняется после встречи с загадочным псом. Спасённое животное приносит в их быт неведомую магию, превращая привычную реальность в череду странных совпадений и непростых выборов.

Где прячется настоящая свобода — среди лжи и боли, или в странном, пугающем чуде, пришедшем в самую безнадёжную ночь?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	110
Глава 10	122
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Ава Арнелл

Цепной пёс

Пролог

*Часовой на границе света и тьмы не выбирает
себе цепь —*

но выбирает, за кого будет рвать её
Ава Арнелл

В Миранписе осень всегда приходила рано. Дождь скользил по окнам мелкой сеткой, люди спешили мимо с зонтиками, будто старались выскользнуть за пределы этого угрюмого города.

Сарина Элвери мёрзла на крыльце галереи Силл-Гал — невысокая, тонкая, с тёмными волосами и привычкой прижимать ладонь к шее, когда нервничала. Она была терпеливой, тихой, из тех, кто лучше слушает, чем говорит. За долгие годы научилась быть удобной, не мешать, быть почти невидимой для чужих.

Из дверей галереи вылетела Ренна — рыжая, быстрая, с веснушками и упрямой улыбкой. Она всегда умела поднять настроение, даже когда весь город сливался в серую лужу.

— Вот бы день закончился хотя бы раз без дождя! — воскликнула она и весело взяла подругу под руку. — Если бы не я, ты бы тут совсем застоялась и превратилась в старую афишу.

Сарина улыбнулась — просто и по-настоящему.

— Хорошо, что ты есть. Иначе на этом крыльце точно проросла бы мхом.

— Кто-то же должен поддерживать тебя в рабочем состоянии, — фыркнула Ренна. — Пошли в Гранат, у меня сегодня настроение на сладкое и жалобы на жизнь!

Кафе Гранат у перекрёстка давно стало для них привычным убежищем. Бархатные кресла, чуть потёртые столы, жирные пирожные и официантка с вечно недовольным выражением лица. Здесь можно было спрятаться даже от самой промозглой погоды.

— Честно, — начала Ренна, когда они уселись у окна, — сколько раз сегодня хотелось всё бросить и уехать на край света?

Сарина порывисто вздохнула и задумалась.

— Много, — наконец ответила она, ковыряя ложкой пенку в чашке.

— Но Ярд считает, что у меня слишком много фантазий. Для него всё должно быть просто: работа, дом, порядок. И никаких отклонений.

— Угу, только вот счастья у вас в этих формулах нет, — пожала плечами Ренна. — Ты у него не супруга, а пункт

в списке дел. Хочешь, я его на полставки в музей возьму? Пыль с экспонатов сдуть будет.

Сарина хмыкнула, чуть смущённо улыбнулась.

— Ну хоть какая-то польза был бы.

В их диалоге всегда сталкивались лёд и огонь. Ренна — открытая, насмешливая, не боится сказать лишнего; Сарина — осторожная, скрывает усталость и настоящие чувства, но с ней рядом словно начинает дышать свободнее.

— Просто... сложно это всё, — добавила Сарина. — Я иногда сама не понимаю, зачем мы вместе. Но менять что-то страшно.

Ренна взглянула на неё мягче, даже без привычной иронии. — Не хочу никого обижать, но ты заслуживаешь большего. Я знаю, тебе тяжело решиться — поэтому буду хотя бы сырниками и дурацкими шутками спасать.

— Ты умеешь хотя бы на время растопить мой ледяной кокон, — поблагодарила Сарина. — Может, когда-нибудь я тебя и правда послушаю. Только не в этот вечер.

Вечерний город будто растворился в дождливой пелене. Фонари тянулись редкими островками света между длинных, влажных улиц. Возле парка подруги распрощались: Ренна хотела подбросить Сарину, но та решила прогуляться пешком — проветрить голову, почувствовать хоть немного свободы.

— Осторожнее, а то в такую погоду город может заглотить

и не подавиться, — пошутила Ренна. — Вдруг тебя в лужах кикмары схватят.

— Не волнуйся, мне опаснее дома, — улыбнулась Сарина в ответ. — А тебе не гони, смотри по сторонам.

— Обещаю быть пай-девочкой за рулём, — театрально отдала честь Ренна. — А если встречу принца, обязательно тебя приглашаю на свадьбу!

Они рассмеялись, и тихий шорох дождя стал вдруг приятней.

Ренна залезла в машину, громко выдохнула, откинулась на спинку сиденья. Она ехала медленно, чуть уставшая, но настроение старательно поддерживала смехом — то бурчала на радио, то обсуждала с самой собой, кто достоин премии за худший день месяца.

В этот момент что-то большое и светлое мелькнуло в свете фар. Сердце ухнуло вниз — Ренна даже не успела толком среагировать, как грянул резкий удар, машина дёрнулась, затихла.

Трасса вдруг опустела, и только дождь выстукивал о капот частую тревожную дробь. Ренна замерла, не веря, что это случилось на самом деле.

На чёрной дороге, посреди ночи, появлялась первая трещина между миром обычным и чем-то странным — и с этого началась новая история.

Глава 1

Вслед за захлопнутой дверью по коридору прокатилось тяжёлое эхо. Сарина переступила порог, сразу почувствовав знакомый запах: немного кофе, старой бумаги и едва заметный аромат одеколona Ярда. Она медленно сняла пальто, чтобы не зацепиться случайно за что-то — всё в их доме было расставлено ровно так, как он привык. Здесь нельзя было шуметь или что-то передвигать без особого разрешения.

Свет в коридоре был включён, тёплый и слишком жёлтый. Ярд вышел с кухни, опираясь о косяк, в руках — стакан с тёмным напитком.

— Который час, Сарина? — Голос ледяной, слова точные, как удар током.

Женщина повесила пальто.

— Было много работы... Потом с Ренной зашли в кафе. Я тебе писала, — пытаюсь говорить ровно, тихо.

Он не слушал.

— Тебя не посещала мысль, что у тебя есть муж? Ты помнишь, кто тебя кормит, да? Или Ренна заменила тебе всё — от подруг до семьи?

Она двигалась осторожно — каждый шаг словно по острым, тонким стёклам.

— Я не делаю ничего плохого, Ярд, — тихо ответила она.

Он шагнул ближе, поставил стакан на полку, как будто из-

бавлялся от ненужной вещи.

— Конечно, не делаешь, — его губы исказились в улыбке, но в ней не было ни малейшей доброты, только жёсткая отметина ревности. — Ты же у нас вся такая правильная, верная. Только вот глаза твои не умеют врать! Ты домой — ночью, пахнешь чужими духами, ходишь расфуфыренная. Ты думаешь, что я дурак?

Он шагнул к ней, взял за подбородок, сжал слишком сильно — кожа под его пальцами побелела, нестерпимо заныло. Сарина попыталась отвернуться, но Ярд стиснул ладонь крепче.

— Скажи мне по правде, — почти прошипел он, — где была? С кем?

— Я же сказала... — вдохнула Сарина, но в этот момент почувствовала, как его рука сползает к горлу. На секунду ей стало трудно дышать: короткое, судорожное усилие, и она уже прижата спиной к стене, рядом, возле выключателя.

В его лице было что-то незнакомое — не просто привычная мрачность, а густое, хищное недовольство.

— Ты моя жена, Сарина. Или ты уже забыла? — он сжал её ещё крепче, губы почти прижались к уху. — Хочешь, чтобы я любил тебя — так это делается не так. Не для этого я держу тебя рядом! Или я ошибся?

Взглядом он прожигал, ждал — чего? Заплаканных глаз? Испуганного покорного согласия? Она молчала, руки бесильно упали вдоль тела. В груди будто рушились тонкие

прутья.

Ярд вдруг зашёл с другой стороны; его дыхание стало горячим, липким, рука по-прежнему была тяжёлым кольцом на её горле. Он резко потянул её ближе и жадно поцеловал — не для тепла, а из желания доказать своё, настоять на власти, заткнуть любую её иную правду.

Другой ладонью он с силой сжал её бедро, резко дернул платье вверх, пальцы заскользили по голой коже. Пахло его духами — резкими, режущими, всё рядом с ним казалось чужим, комнату залило мертвенно-желтым светом.

— Так? — цедил он сквозь зубы. — Ты только для меня, ясно? Я могу брать всё, что моё.

Он вдавил её плечами в стену, целовал грубо, прижимая так, что обои под затылком зашуршали, всё происходящее становилось невыносимо ярким и одновременно каким-то отдалённым. Ткань платья натянулась, сползла с плеча — его движения были нервными, резкими, напоминали скорее попытку сломать, чем соединиться.

Сарина безмолвно, будто выключив звук внутри, смотрела сквозь него в тугую пустоту между ними. Она чувствовала — тело реагирует только страхом, неприятной скованностью, сердце стучит сбито, губы бессильно разжимаются под чужим напором.

— Посмотри на меня, — приказывал Ярд, хватая её за затылок крепкими пальцами. — Не отворачивайся! Почему ты делаешь вид, что тебя нет?

Он тянулся к ней, искал ответ в глаза, целовал так, что казалось: хочет отыскать там доказательство своей власти, вернуть что-то утраченное — то, что не мог получить силой. И, вдруг увидев в её взгляде тусклое, холодное отчуждение, будто дверь захлопнулась, а за ней нет больше ничего для него — замер.

На одну долю секунды между ними повисла жестокая пустота. Он выругался сквозь зубы, ударил её ладонью по лицу так, что скулы отозвались тупой болью. Сарина упала на пол, ударившись плечом, выронила последний вздох.

— Так будет всегда, если ты будешь меня игнорировать, — бросил Ярд и отвернулся, не взглянув больше в её сторону. Молча вышел из холла и скрылся за дверью спальни, громко щёлкнув замок.

Сарина осталась сидеть на полу, прижавшись к стене, не зная, что ей больнее — щека, горло или та часть себя, которая снова сдалась.

Она долго просто сидела, прижимая к ушибленному месту ладонь, слушая, как в трубах ворчит вода. Вся ночь прошла в полусне: над ней висели злые тени, а небо за окном тяжело стучало дождём.

Утром в квартире стояла тишина. Ярд собирался, не глядя на жену. Был одет с иголочки, чемодан у двери — строгий, как надгробие.

— Мне надо срочно уехать. Дела. — его голос был сухим,

безразличным.

— Надолго? — Сарина спросила это слишком буднично.

— Неделя. Может, две. Неизвестно, — он пожал плечами, душно глядя в сторону.

Она кивнула. Никаких вопросов — только тихое вздрагивание в груди. Где-то в мыслях кипело: у него кто-то есть. Она ведь уже не раз ловила на обрывках чужого парфюма на его одежде, на задержках в телефоне, на слишком частых командировках без объяснений. Только доказать ничего не могла.

— Постарайся не устраивать беспорядка, — сказал он на прощание. — И не приглашай своих шумных подруг.

Когда за ним захлопнулась дверь, Сарина вдруг позволила себе выдохнуть по-настоящему — громко, болезненно, по-живому. В коридоре пахло его одеколоном и чем-то чужим. Она стояла одна посреди квартиры, которая была ей как клетка.

За окном город умылся дождём; внутри царила тишина и ощущение, будто невидимая стена вдруг раздвинулась на миллиметр, впуская холодный, но новый воздух.

Асфальт под дождём светился холодом — крупные капли отбивали едва заметные круги под редкими фонарями. Когда удар стих, Ренна застыла за рулём, не сразу осознав, что произошло. Сердце забилося под горлом: неужели только что она кого-то сбила?

Только спустя несколько секунд она очнулась и выскочила на улицу, хлопнув дверью. На мокром асфальте, прямо в свете фар, лежал огромный белёсый пёс, не похожий ни на одну городскую собаку. Он был весь в грязи, с заметными жёлтоватыми пятнами и странными отметинами на боку.

— Ну и влипли мы с тобой, — пробормотала Ренна, чтобы хоть как-то отдышаться, и отпихнула мокрые волосы со лба. — Как же ты так...

Она осторожно провела ладонью по голове пса, потом по шее и вдоль спины, проверила лапы. Шерсть оказалась густой, местами спутанной, но ни крови, ни ран, ни ощутимых переломов, ни стонов — ничего такого не было, что она ожидала найти. Только тёплое, частое дыхание, и глаза, которые открылись и смотрели прямо на неё — спокойно, будто понимая больше, чем должны.

— Ну давай, живи, не пугай меня... Как же ты умудрился попасть под колёса?

Она снова на минуту огляделась — абсолютная ночь, ни души. Связаться с ветеринаром этой ночью невозможно, телефоны молчат, вокруг только дождь и асфальт.

Ренна не стала рассуждать долго. Она расстелила в багажнике старый плед и с трудом втокнула собаку внутрь — пёс не сопротивлялся, едва заметно моргнул и, кажется, даже попытался поджать лапу, чтобы не мешать ей. — Вот и ладушки, красавец, — тихо выдохнула она. — Сейчас тебя отмою, накормлю, а завтра — к доктору, разберёмся.

Квартира встретила её светом в коридоре и уютной неряшливостью: стопки книг на диване, чашки со вчерашним чаем, пара раскрашенных бокалов на полке. Она вытащила пса из машины, завела домой, устроила на старом ковре у батареи.

Пёс лежал, тяжело дыша, морда на лапах, время от времени чуть приоткрывая глаза, будто следил за каждым её движением.

Ренна металась по комнате:

— Сейчас, подожди, не умирай! — суетилась она, роясь в аптечке. — Так, градусник... куда его совать собакам?! Стоп... нет, к чёрту, просто потрогать нос.

Нос был тёплым, влажным — вроде норма.

— Ну вот, тебе сейчас отдых нужен больше всего, — говорила она, улыбаясь криво. — Хотя бы ты загавкал что ли... или хвостом махнул.

Пёс не отвечал, только медленно моргал.

Ночью Ренна почти не спала: сидела на полу рядом с незнакомцем, поглаживала его по боку, вслед за каждым вдохом прислушивалась — не стало ли хуже, не проявятся ли вдруг скрытые раны. Она перебирала в памяти детские советы: "Проверь уши, лапы, нос..." Смотрела, нет ли скрытой боли.

— Вот ведь влипли, — проговорила она чуть громче, когда часы показали уже за полночь. — Если ты завтра

проснёшься, я точно решу, что удача ещё умеет улыбаться!

От усталости, смешанной с беспокойством и неожиданной нежностью, на глаза наворачивались слёзы. Она несмело взялась за его лоб, прижалась лбом к широкой морде.

К рассвету, когда город стал ещё дождливей, а мысли путались, Ренна уронила голову на лапы собаки и, засыпая, прошептала:

— Ты только держись, ладно?

Утро в Силл-Гал начиналось не с потока посетителей, а с озноба: влажные стены галереи пахли старой штукатуркой, масляной краской, чуть прелыми каталогами. За мутным стеклом моросил привычный, вязкий дождь, редкие прохожие отражались измятыми тенями.

Сарина пришла первой, как будто боялась оказаться лишней в собственном рабочем дне. На ней был аккуратный светло-серый свитер, ворот поднят, чтобы скрыть синяк на шее; под глазами — тень, не замазанная даже самым стойким корректором. К чашке с чаем она не прикасалась: просто держала её ладонями, как будто согреваясь раз за разом, хотя тепло убегало сквозь пальцы куда-то мимо.

В пустом зале её дыхание казалось слишком громким. Сарина молчала, время от времени поджимая плечи, будто от непрошеного ветра.

Вскоре дверь распахнулась — вбежала Ренна, разметав волну дождя с плеч, чуть покрасневшаяся, запыхавшаяся,

но всё равно — упрямо живая. Она сбросила куртку, огляделась, нашла взглядом подругу.

— Доброе утро... — голос прозвучал как-то осторожно, мягче, чем обычно. — Ты рано сегодня.

Сарина чуть улыбнулась, но усталость в её взгляде была тяжелее слов.

— Да, просто... не спалось, — ответ прозвучал слишком быстро. Она отхлынула взглядом к окну, к прохожему в тёмной куртке на улице.

Ренна села рядом, привычно стянув руку на плечо подруги, не давая ей окончательно уйти в себя.

— Всё нормально?

Сарина промолчала, долго смотрела в стену напротив. Ладонь, прижатая к шее, чуть дрожала — едва заметно, но Ренна знала такие мелочи наизусть. Она не стала спрашивать о Ярде — взгляд Сарины говорил громче любого рассказа: усталости больше, чем силы, чувства прячутся в глубине, как рыбы от громких стуков.

— Я... тоже не спала, — тихо сказала Ренна, словно пытаясь перебросить тонкую невидимую нить между ними. — Влипла вчера. Но, честно, для отчаянной подруги всегда есть время и сырники.

Сарина впервые за утро немного ожила — усмехнулась одними уголками губ.

— Я бы всё отдала за день, когда ничего не болит и никто не орёт...

Ренна чуть сильнее сжала её плечо, мягким голосом сказала:

— Ты не обязана всё терпеть, знаешь? Даже когда кажется, что выбора нет.

Над ними затихли холлы, дождь барабанил по стеклу. Медленно, как после долгой зимы, в их утре начало пробиваться что-то похожее на тепло: у Ренны в руках возник термос с горячим чаем, они вдруг оказались плечом к плечу за стойкой ресепшн, и разве что не шептали в темноте, озвучивая друг другу свои безмолвные нужды.

Ни одна из них не решилась говорить правду вслух, но в этой хрупкой тишине было гораздо больше поддержки, чем в десятках пустых фраз.

Тишина между ними повесла тонкой, вибрирующей ниткой — чуть тронь, оборвётся. Ренна краем глаза заметила, как Сарина каждый раз неловко натягивает ворот свитера, пальцы соскальзывают к шее, чуть подрагивают. Там, где тень отложились неудачно, проступал еле заметный синяк — чужаярука, чужая правда, которую так просто не сдать в гардероб.

Ренна прикусила губу, мельком взглянула на Сарину. В ней вскипела смесь протеста, жалости и злости на того, кто мог сделать с её подругой так.

— Сари, — тихо, без обычных подначек проговорила она, — это он?

Вопрос прозвучал несмело — не как обвинение, а как же-

ление хотя бы дотронуться до боли, чтобы стало немного легче.

Сарина медленно выдохнула, глаза скользнули куда-то за плечо Ренны, к тёмному стеклу дверей. Она попыталась скривить губы в улыбке — вышло неубедительно.

— Не важно, — прошептала она, — всё в порядке. Я просто... неудачно задела что-то на кухне. Бывает.

— Не ври мне, — почти шёпотом произнесла Ренна, мягко, но упрямо. — Только не ты.

Сарина держалась, как умела — прижимая к шее ладонь, будто так можно стереть не только ссадину, но вообще всю историю боли. В её голосе крепко сидели осторожность и усталость:

— Знаешь... иногда кажется, что проще притворяться, что всё нормально, чем признаться, что давно уже не так. Что я не умею уходить, — она растерянно улыбнулась, защёлкнула ногтем на чашке крошечный осколок.

Ренна накрыла её руку своей — крепко, почти властно, но с заботой:

— Ты не обязана оставаться там, где больно, — сказала она очень серьёзно, — даже если страшно остаться одной. Я рядом, слышишь? Если понадобится — уедем хоть в другой город, хоть на край маяка, но больше никто не поднимет на тебя руку.

На глаза Сарины накатили слёзы, но она едва заметно их смахнула, не позволяя им пролиться вовсе. Достаточно бы-

ло того, что Ренна рядом и говорит именно так, как хочется услышать в самый плохой день.

— Спасибо, — только и смогла выговорить она.

Ренна заметила, как подруга чуть осунулась, и, не давая тишине захватить их снова, встрепенулась, натянув на лицо самую заразительную улыбку, какую смогла выдавить.

— Кстати! — неожиданно весело бросила она, — если думаешь, что у тебя странные дни, я могу поспорить на всё меню Граната, что у меня их больше. Ты же не поверишь, что вчера ко мне домой вселилось нечто совершенно необычное!

Сарина вскинула брови — впервые за утро в её глазах мелькнул настоящий интерес, а не усталость.

— Только не говори, что завела очередную коллекцию пауков... — попыталась поддразнить она.

— Да какие там пауки! — отмахнулась Ренна, театрально закатила глаза. — Я теперь владелица... самой крупной диковины на районе. Нет, ну правда — ты когда-нибудь приводила домой такую тушу, что даже плед великоват? И взгляд... будто в нём весь миранписский ноябрь уместился.

Сарина рассмеялась, чуть расслабилась.

— Ты опять про чудесных гостей для своей безумной однушки?

— Во-первых, не однушка, а галерея творческого хаоса, — заявила Ренна, — а во-вторых... у меня там сейчас очень важный, ну, как бы это ни звучало, волчий вопрос. Огромный белый пёс! Нет, не привидение, — она многозначитель-

но понизила голос, — а животное размером с половину твоей кухни. Я его вчера сбила, и теперь мы временно живём вдвоём. Пожалуйста, скажи, что согласишься прийти — не могу быть единственным свидетелем его космического голода!

Сарина покачала головой, улыбаясь уже почти искренне.

— Думаю, это судьба... Муж как раз снова упорхнул на свои дела. Неделя тишины, да и мне не вредно проверить твою галерею чудес своей строгой музой.

— Вот и отлично! — хлопнула ладонями по столу Ренна. — Пусть Ярд ищет свои приключения, а мы сами себе устроим праздник. Клянусь — накормлю, напою, покажу все спецэффекты и научу гладить собак правильной стороной. Только давай договоримся сразу: никакой грусти, только чай, пироги и, возможно, случайные разговоры о счастье.

Сарина вздохнула — уже легче и спокойней, чем утром, чувствуя, что внутри где-то разжимается затаённый комок тревоги.

— Договорились, — мягко кивнула она. — Мне действительно давно этого не хватало.

День потёк дальше привычной чередой дел. Кто-то спрашивал про картины из внутренней тьмы, пенсионер просил скидку на старую гравюру, студенты пришли подзарядиться атмосферой для диплома. Персонал галереи спорил о цветах для витрины. Ренна крутилась между залами, шутя с посетителями и незаметно поглядывая на Сарину — та ловила

себя на том, что улыбка появляется сама собой, а напряженность потихоньку уходит.

Суэта затягивала, и дождь за окнами становился уже не разрушительной стеной, а просто аккомпанементом пережитого дня: привычного, но с лёгкой примесью чего-то нового и обещающего.

Глава 2

В спальне Ренны было тихо — не потому, что город за-тихал, а потому, что здесь тишина была важной частью жи-лья. Дождь доносился сквозь приоткрытое окно, сливаясь с глухим эхом голосов за стеной. Тут всегда пахло чем-то тёп-лым — немного шерстью на пледе, чуть выдохшимся сиро-пом из чашки, чёрным хлебом и старой бумагой. Стены уве-шаны мягкими иллюстрациями, выцветшими афишами ста-рых выставок, местами вкривь и вкось — будто самой хозяй-ке нравилось, когда всё не слишком ровно. На полке — де-сятки разноцветных кружек, среди них — одна с погрызен-ным краем. Одежда были сброшены на кресло, по полу рас-сыпались книги, как будто здесь кто-то по ночам искал от-веты.

Пёс лежал, уткнувшись носом в ткань, и медленно, тяже-ло втягивал воздух. В слабом полудне он казался чужой де-талью среди уютного хаоса — огромный, неуклюжий, но как будто специально вписанный в этот беспокойный интерьер.

Где-то внутри, за тяжёлой завесой сна, шептал голос. Не человеческий, но и не совсем чужой.

«Орл ошибся», — тянул он, настойчиво и спокойно. — «Ты был нужен для другого. Ты поймешь это слишком позд-но, к тебе придут не за телом, а за выбором. Всё равно на-стигнут».

Пёс замер. Он попытался вспомнить ночь — смутное, ослепительное жёлтое пятно фар, резкий запах страха, тепло рук и грубый запах где-то на границе памяти. Всё остальное рассыпалось в дымку. Только образ девушки остался светлым пятном — смех, тревога, голос, в котором звучала не команда, а что-то похожее на просьбу: «Держись...»

Он оглядел комнату. Всё казалось странным: мягкая картонка под головой хрустела иначе, чем мох или снег; в углу — дождевик, пахнувший свободой. Запахи вплетались друг в друга: чуть знакомые, чуть пугающие. Здесь не было ни стыда, ни страха — только медленное ожидание.

Голос внутри не умолкал.

«Орл не понял, что нельзя выбирать только из страха. Всё равно заплатишь. Всё равно придётся выполнить то, что наложено. Никто не сможет сбежать из своей цепи — даже если кажется, что она оборвана».

Пёс устало вздохнул, и живот слабо дрогнул под тяжестью неизвестности. Что-то впереди шевелилось — не угроза, а обещание нового круга, нового выбора. Он прижался лбом к пледу, слушая: как ползёт дождь под окном, как потрескивают доски пола, как где-то в глубине квартиры разносится отголосок чужой, пока доброй, жизни.

А внутри возвращалось только одно: «Ты здесь не по ошибке. Не зови себя спасённым».

Рабочий день закончился незаметно — залы галереи опу-

стели, последние посетители захлопнули за собой тяжёлую дверь. Сарина накинула шарф, спрятала усталое лицо за улыбкой — на этот раз чуть более настоящей. Ренна размахивала ключами, точно дирижёр:

— Всё, миссис Элвери, ваш золотой билет в светлое будущее готов! Садитесь в карету, сейчас везу вас в страну чудес.

Они забрались в терпеливо ждущую у тротуара синюю машину, мокрые стекла покрылись разводами от редких прохожих и мигающих фар. В салоне пахло невыветренной мятой и чем-то беспечным — наверное, дружбой, которая всё ещё умела пахнуть детством.

— Нужно заскочить за подкреплением, — бодро сказала Ренна, сворачивая на узкую улочку с круглосуточным магазином. — Весёлые приключения не терпят пустого холодильника.

— Ну да, я же знаю, твои приключения — это шоколадки и вино за углом, — улыбнулась Сарина. — А ещё... у меня вдруг появилось подозрение, что кому-то из нас понадобится средство против оборотней.

— К счастью, только если этот оборотень любит кость покуснее, — парировала Ренна, выуживая из сетки большую бутылку полусухого. — Я бы взяла сыр для тебя и... — она задумчиво оглядела прилавок. — ...и вот ЭТО для своего нового квартиранта.

С полки Ренна стащила огромный пакет корма с мордой счастливой собаки на обложке. Поставила его в тележку с

таким торжеством, будто покупала билет на курорт.

— Боюсь спросить, — хихикнула Сарина, — ты переквалифицировалась в собачью маму за одну ночь?

— Ты не представляешь, какой там масштаб бедствия! — шепнула Ренна, подмигнув. — Этот парень съест полгорода, если дать волю. Всё к лучшему — теперь если придёт инспекция, скажу, что мой холодильник работает только на корма и пироги.

Сарина старалась не расхохотаться — слишком тихо было в магазине, каждый шёпот отдавался эхом. Она поймала себя на том, что снова чувствует лёгкость, что от смеха внутри становится немного теплее.

— Надеюсь, этот пёс твой не пересчитает все мои косточки, — добавила она, перекладывая сыр и виноград в корзину. — А то так и вижу: вы ночью вдвоём разбираете трофеи, спорите, что круче — сосиски или печенье.

— Вот-вот, — сказала Ренна, складывая покупки на касу. — Если что, обвиняй только меня — у меня теперь передозировка заботы и хвостатых проблем.

Они вышли в тёмный, слегка парящий воздух, дождь уже почти стих. В руках у каждой — по пакету, полному чуть глупых мелочей, с привкусом будущего уюта.

— Давай, Сари, сегодня у нас не просто ужин, а операция по спасению... ну хотя бы дурного настроения.

Сарина улыбнулась — усталость исчезла, осталась только радость возвращаться не в пустую квартиру, а туда, где её

ждут, где вечер обещает что-то незнакомое, но не пугающее.

Дверь захлопнулась за их спинами. Ренна первой шагнула в квартиру, поставила пакет на пол и замерла, внимательно оглядываясь. Сарина вслед сняла ботинки, наблюдая за её реакцией.

— Сейчас, погоди, — бросила Ренна через плечо. — Надо проверить, не разнесли ли тут всё по кусочкам.

Она быстро прошла в комнату, где утром оставила пса — у батареи, на старом пледе. Место пустовало. Не было ни следа ни огромной белой туши, ни даже шерсти на ковре. Всё выглядело так, будто собака и не ночевала здесь вовсе.

— Не поняла... — растерянно пробормотала Ренна, быстро осматриваясь по углам и заглядывая за мебель.

Сарина сдерживает улыбку: — Ну? Ты точно не придумала? Может, собака была частью грандиозного миранписского сна?

— Очень смешно, — буркнула Ренна, — он был огромный, не могла же я его потерять в собственной квартире!

Она, не найдя пса ни в спальне, ни в ванной, вернулась на кухню, хлопнула себя по лбу и театрально добавила: — Ладно. Мог бы хоть записку оставить, если удрал.

Сарина, присаживаясь на диван и наблюдая за подругой, вставила: — Если дальше пойдут такие фокусы, я тебя точно к врачу поведу.

Именно в этот момент позади них послышался лёгкий ше-

роховатый звук — кто-то большой и осторожный ступил по полу. Обе девушки обернулись: из коридора, словно появившись из ниоткуда, в проёме замер белый пёс и внимательно посмотрел на них янтарными глазами.

— О, здравствуйте, призрак! — с облегчением выдохнула Ренна и, стуча пальцами по пакету с кормом, добавила: — Я уж испугалась, что зря таскала этот мешок.

Пёс, как ни в чём не бывало, подошёл и сел у ног девушек, молча выдержав паузу.

Сарина усмехнулась: — Вот теперь я официально согласна: такого точно не могло присниться.

Пёс некоторое время сидел, не двигаясь, потом медленно склонил голову вбок, внимательно наблюдая за Сариной. Было ощущение, будто он не просто смотрит, а разгадывает что-то в её лице — спокойно, очень пристально, не по-собачьи осмысленно. Одно ухо чуть вздрогнуло, взгляд стал ещё изучающим, будто он не только видел, но и слушал то, что не произносилось вслух.

С некоторым осторожным достоинством пёс обошёл кругом мягкий, низкий диван, на котором устроилась Сарина. За его движением следило её беспокойное, невольное внимание. Временами казалось, что пёс выбирает траекторию не ради любопытства или страха, а словно проверяет границу чьей-то территории, втягивает носом чужой воздух, пытаясь запомнить новую ноту в привычной тишине дома.

Он вернулся обратно и сел прямо напротив Сарины, ока-

завшись неожиданно близко. На миг между ними повисло мимолётное, почти осязаемое напряжение, словно он узнавал её среди всех возможных людей — вглядывался пристальнее обычного, различал что-то своё за её глазами.

Сарина подняла брови, выдавленно улыбнулась, будто не решаясь пошутить:

— Ну здрасте, товарищ Царственная Шерсть... Я теперь под подозрением?

Пёс не шевельнулся, только вдохнул глубже, как будто хотел навсегда оставить этот запах в памяти, и медленно опустил голову, взгляд его стал спокойнее — но всё равно остался настороженным, как у хранителя, который только недавно выбрал своего хозяина.

Ренна, наблюдая со стороны, со смехом произнесла:

— Кажется, он одобрил тебя.

Ненадолго в комнате сохранилась лёгкая, едва тревожная тишина — как перед чем-то новым, что ещё не получило имени.

Сарина, чуть опомнившись от пристального взгляда незнакомца, осторожно протянула руку и погладила пса по широкой тёплой голове. Он не сдвинулся с места, лишь чуть прищурился, будто размышляя, можно ли доверять новой знакомой, но позволил ладони скользнуть по густой светлой шерсти.

Ренна тем временем уже занялась вином — угнездилась у кухонной стойки, ловко распознала два бокала, разлила по

ним густое бордовое. Голос её звучал шутливо, легкомысленно:

— Знаешь, Сари, если бы мой хозяйственный талант распространялся и на брачные обещания, я бы давно уже выдала тебя замуж за кого-то попримечнее. — Она показательно взглянула на пса и добавила с ехидцей: — Вот хоть бы за такого красавца! По крайней мере, лает реже, чем твой.

Пёс дернул ухом, насторожился, будто вслушиваясь, и на секунду застыл, внимательно вглядываясь в обеих. Сарина рассмеялась — немного смущённо, но не горько, как ещё вчера.

— По крайней мере, не напомним о не вынесенном мусоре, — продолжала она, пересыпая в миску купленный корм. Гранулы застучали, пёс чуть склонил голову, будто оценивал жест.

— И уж точно не спросит, зачем ты опять так поздно пришла, — добавила Ренна, вставляя миску на то место у батареи, где недавно обитал их новый знакомый.

— Да, пожалуй, — кивнула Сарина чуть печально. Она вернулась к столу, взяла бокал.

Вино, сыр, парочка купленных наспех пирожных и виноград быстро наполнили стол неустроенным, но уютным беспорядком. Ренна первой чокнулась с подругой, подняла бокал:

— За то, что у мы есть друг у друга!

В гостиной ожила музыка — Ренна выбрала её привычно

легко, раскрутив подборку старых песен, которые звучали на их студенческих вечерах. Сарина едва заметно подыгрывала мелодии — всё ещё немного напряжённая, но уже смеющаяся самой себе.

Пёс ел неспешно, чуть повернув голову, но иногда бросал долгий взгляд сначала на одну подругу, потом на другую — будто пытался понять, какие ещё ритуалы будут происходить сегодня в этом странном доме.

Музыка негромко лилась из колонки, создавая ровный фон для разговоров. Ренна рассказывала очередную байку о странных клиентах галереи — как однажды мужчина два часа доказывал, что может отличить подделку по запаху масляной краски. Сарина смеялась вполголоса и уговаривала Ренну налить ей ещё вина, чтобы не сталкиваться с воспоминаниями, которые лучше оставить за порогом.

Пёс ел неторопливо, посматривал на миску, потом на девушек. Он словно не понимал до конца, как здесь принято — иногда всё же поглядывал на входную дверь, будто ждал появления ещё кого-то, невидимого для остальных.

На столе скапливались грязная посуда, коробка с пирожными уже опустела, обе чаше перебрасывались незначительными, но для них чрезвычайно ценными фразами — про старых знакомых, про детские мечты, про то, как странно вдруг оказаться в своём доме втроём, если считать каждого.

Ренна глядела на Сарину с какой-то тихой заботой и с удо-

вольствием наблюдала, как напряжение в подруге понемногу уходит, уступая место привычной лёгкости. Сарина время от времени тянулась ладонью к голове пса, и он теперь не отстранялся, позволяя себя гладить, будто признавая её частью этого вечера.

Когда стрелки на часах зашкалили за полночь, подруги поняли, что давно пересекли границу между простым ужином и серьёзным застольем. Изрядно повеселевшие, они кое-как собрали с дивана одеяла и подушки — Сарина устало зевала, а Ренна уже хваталась то за край стола, то за дверную ручку, отпуская пьяные шуточки, от которых невозможно было не улыбнуться.

— О, давай у меня — как в старые добрые, — Ренна на ходу атакующе обняла подругу, — только ты мне больше на ухо не храпи как тогда в лагере!

— Ну-ну, сейчас проверишь, у кого нынче музыкальный талант... — поддела её Сарина, с трудом выговорив слова сквозь смех.

Они наперебой пытались переодеться: Сарина уже вышла из ванной, а Ренна в этот момент запуталась в штанах и рухнула боком прямо на кровать, радостно выкрикнув:

— Спасай бельё! Во имя красоты и порядка! — и чуть не сбила обе подушки на пол.

Сарина прыснула от смеха так, что уронила свою футболку и, давась хихиканьем, заползла под одеяло. Полминуты спустя они лежали бок о бок — уткнувшись лбами в об-

щий ворох подушек, смеясь и шепча всякие глупости, как когда-то в детстве на даче.

— Знаешь, — пробормотала Ренна уже вполусне, — а твой Ярд сегодня даже не позвонил. Не хватает его строгости для завершения вечера...

Сарина беззлобно хихикнула, натягивая на подбородок одеяло:

— Он? Да он, наверное, весь занят... очередной теорией семейного счастья, только, видимо, с новой любовницей в качестве ассистентки.

— Главное, чтобы тебя ночью не перепутал... вдруг ещё позвонит не тому? — глухо прокомментировала Ренна, зевнув во всю ширину.

Сарино хихиканье ещё долго вкрадывалось под одеяло, пока сон медленно обволакивал обеих полутёмной, безопасной тишиной съёмной квартиры. За дверью слышался тяжёлый шаг — пёс осторожно улегся у порога, будто взял ночное дежурство добровольно и всерьёз.

Глава 3

Пёс не спал. Он лежал у порога комнаты, вытянув лапы, и внимательно прислушивался к дыханию двух женщин за дверью. В их мирной, сбивчивой болтовне, в сонном смехе и даже в запахах было для него что-то чуждое. Запах этой женщины — Сарины — не давал ему покоя уже второй час: он был не просто человеческим, а будто двухслойным, будто в ней вперемешку шли странные пряные тени, лёгкая горечь вина и что-то ещё, непонятное, от чего даже его звериная часть напрягалась, вглядывалась, выискивала суть.

Вся их квартира казалась невероятно странной. Ни единого знакомого угла: тут ничто не пахло лесом, водой, кровью или дымом. Воздух был нагружен тысячей мелочей, которые раздражали и одновременно притягивали. Шуршание одежды, резкие цветные пятна на стенах, смешанные друг с другом звуки и цвета — всё это только подтверждало: он здесь чужой.

Он закрыл глаза, но сном это быть не могло. Память тянула за собой возвращающийся образ: как он, устроившись в коридоре, невольно наблюдал за Сариной через приоткрытую дверь. Она переодевалась, и на миг — короткий, как запах раскалённого железа, — его пронзило что-то совершенно неожиданное, для пса неестественное. Какая-то острая тяга узнать, что за смысл таится в её движениях, в том, как

она медлит у зеркала, как коротко смеётся, перебрасываясь словами с рыжей.

Это чувство было новым и пугало его. Он не знал, что с этим делать и куда деть возникшую тревогу.

И тут, в самую глубину его памяти, врезался голос — едкий, холодный, чужой.

— Ты всё равно животное, — прошипел он где-то внутри, — и ты останешься им навсегда. Вздумал стать кем-то большим? Ты забыл свою природу, зверь. Ничего не изменится.

Волна злорадства прошла сквозь его сознание, отозвалась тяжестью в животе. Пёс затаился сильнее, сжался всем телом, будто стараясь стать ещё тише, незаметней. Он плохо понимал, кто эти странные люди и в каком мире проснулся, но знал: тень прошлого всё равно накроет даже здесь.

Где-то за стеной опять раздался сонный смешок, и он почему-то ощутил у себя внутри глухое, тёплое стремление остаться возле этих смешных и странных людей чуть дольше — несмотря ни на какой голос.

Неделя промелькнула незаметно, будто слух о счастливых днях всегда оказывается преувеличен. Сарина не сразу осознала, как легко шагнула она за границы привычного — первый день у Ренны воспринимался как шутка, временное укрытие от дождливых мыслей. Но удачный побег затянулся: один вечер с вином и разговорами плавно перетёк в другой, затем в третью чашку кофе на кухне, в ещё одну ночную

прогулку с псом, который поначалу казался скорее легендой из чужой жизни, чем настоящим соседом по квартире.

Ренна принялась распределять обязанности по уходу за питомцем с той же страстью, с какой устраивала распродажи в своей галерее.

— Ты, главное, не бойся — он, может быть, второй раз в жизни видит поводок, — уверяла она, пока Сарина пыталась уговорить пса перед выходом на улицу. Пёс же отвечал на все попытки дрессировки безраздельным (и почти демонстративным) равнодушием: мог минуту сидеть у порога, а затем одним прыжком оказаться посередине комнаты и отправить миску с едой лететь по полу.

Первые два дня Сарина всё ещё ждала звонка от мужа — проверяя телефон по утрам и упрямо повторяя себе, что ей всё равно. В третий день она впервые оставила его без звука, а на четвёртый забыла вовсе: галерея требовала отчётов, Ренна — помощи с рекламой. Они втроём освоили новый маршрут по переулкам, где по вечерам пахло мокрой травой и яблоками, а местные дети во дворе смотрели на пса с благоговейным ужасом и восторгом — такой огромный и такой молчаливый.

По утрам в квартире царил бардак: то миска с кормом исчезала на целый час, пока её не обнаруживали под креслом, то находили обгрызенный ободок улюбленной подушки Ренны. Сарина умывалась, отгоняя от себя сон и угрозы подруги «разбудить всех соседей», если та не прекратит жаловаться

на свои волосы. Самым весёлым ритуалом стали совместные завтраки — Ренна неизменно пыталась угостить пса чем-то особенным (то румяной греноккой, то ломтем сыра), а тот принимал угощение только из рук Сарины, игнорируя все подношения «на пробу» от хозяйки квартиры.

Галерея проживала свою жизнь: готовилась к новой выставке, жила пересудами, требовала Сарининой сосредоточенности. Ренна засыпала подругу вопросами, вовлекала в обсуждения картин и спорила до хрипоты с очередным художником, который забывал вовремя сдавать полотна. Пёс всё чаще коротал время на пороге галереи, иногда привлекая самого строгого управляющего — тот однажды даже окрестил его «белым призраком» и потребовал вымыть лапы перед входом.

Вечерами жизнь становилась тише и уютней. Подруги устраивались на полу, болтали о прошлом и будущем, пёс ложился рядом, кладя морду на колени Сарине. Было ощущение, будто между ними складывается нечто новое — не семья, не союз, просто крепкий, живой договор быть рядом, пока всё не изменится.

В шестой день Сарина поймала себя на мысли, что почти не вспоминает о муже и его частых «задержках». Смартфон молчал, ей не было тревожно. У неё снова появилась тяга к жизни, к разговорам без притворства, к утренним прогулкам в октябрьском тумане с этим необычным зверем. Даже галерея стала казаться уютной частью этого короткого побе-

га, подарка судьбы на грани межсезонья.

В последний вечер недели, когда они уже укладывались спать, Ренна вдруг вздохнула весело:

— Я бы тебя уже не отпустила, если бы не знала, что ты рано или поздно сбежишь к своему «официальному фронту». Всё равно помни: наша дверь теперь всегда открыта. Даже для таких... — она показала в сторону пса, который разлёгся поперёк ковра, охраняя их сон, — ...странных гостей.

Сарина рассмеялась и впервые позволила себе думать не о прошлом, не о будущем — а только о сегодняшнем.

День возвращения мужа начался тревожнее обычного. Утро было солнечным, но Сарина встретила его в работе — пылесос гонялся по углам, в раковине звенела посуда, даже злополучная полка с книжками была прибрана до противостественной симметрии. Только редкие взгляды на часы выдавала настоящую подоплёку уборки: она старалась не дать ни единого повода для придирок, ни пятна, ни крошки, ни намёка, что жизнь шла тут своим чередом и без него.

Ближе к вечеру она услышала за дверью знакомые шаги. Сердце ёкнуло, когда в коридоре раздался его строгий, но в этот раз удивительно весёлый голос:

— Привет, дорогая! Надеюсь, моё королевство выстояло без короля, пока я не вернулся?

Ярд был в необычно приподнятом настроении. Он не стал долго рассматривать порядок, не отметил ни одной мелочи,

ни намёка на привычные уколы вроде: «А ножи у тебя теперь лежат как у левых, а не у правых?» Вместо этого он легко, даже как-то дружелюбно снял куртку, поставил сумку у порога, обнял Сарину за плечи и похлопал по спине чуть теплее, чем обычно.

— Я бы сейчас не отказался от чего-нибудь вкусного, — сказал он, — да и к тебе есть парочка историй, держись.

Сарина принялась сервировать стол. Всё шло рутинно спокойно: разогретый суп, хрустящие гренки, нарезка, о которой раньше бы и говорить нельзя было — мол, не совпадает с его привычками. Она наблюдала за ним пристально, всё ещё ожидая привычного раздражения, намёка на усталость, какой-то внутренней скупой тревоги. Ничего похожего.

Вместо этого Ярл рассказывал — обстоятельно, неторопливо:

— Представляешь, пришлось ночевать в этой ужасной гостинице для служащих... Хозяйка не смогла найти ключ, зато варила кофе прямо в холле, и все командированные собирались, как на праздник.

Он говорил даже слишком весело, рассыпаясь неожиданными деталями, будто пытался наверстать весь недостаток общения за один ужин. Спрашивал про галерею, несколько раз с улыбкой спрашивал, не приснилось ли ей чего-нибудь странного, не нашли ли новый шедевр в коллекции Ренны. Казалось, он впервые за долгое время не ищет ничего подзрительного ни в ней, ни в окружающем.

Сарина отвечала тихо и коротко, положив руки на колени под столом и прислушиваясь к каждому его взгляду. Сердце её настороженно замедлилось. Столь лёгкое и гладкое возвращение было непривычно — Ярד избегал острых тем, не цеплялся ни за слово, ни за интонацию.

Когда ужин закончился и Ярд отправился в душ, Сарина долго сидела за столом, перебирая в голове все детали вечера. Чем дольше она размышляла, тем сильнее ощущала: за этой вежливой лёгкостью прячется что-то ещё. Необъяснимая, чересчур спокойная волна — как тишина перед бурей. И это беспокоило её куда сильнее, чем любая из предыдущих ссор.

Несколько дней после возвращения Ярда тянулись необычно ровно — по крайней мере, на первый взгляд. Дом очистился от лишнего шума: не было ни резких упрёков, ни тихих утомлённых вздохов, натянутых пауз за завтраком. Ярд действительно старался быть мягче, больше шутил и начал возвращаться домой вовремя; даже на мобильный отвечал не с тем вялым раздражением, как всегда, а почти с участием — да и то быстро терял интерес, переключаясь с жены на экран в гостиной.

Сарина наблюдала за каждым изменением мужа, словно оценивая незнакомца. Внутри неё, вместе с облегчением от искусственного мира без бурь, нарастало и что-то чужое — странная тревога, преждевременное предчувствие. Она

слишком хорошо знала свои старые страхи и теперь научилась ощущать их тень иначе: как будто её внутренний покой, выкованный в недельной тишине у Ренны, теперь казался чужеродной свечкой в их старой, застоявшейся квартире.

Дни были заполнены мелкими хлопотами. Ярד, заметно повеселевший после командировки, заказывал любимые блюда, приносил с рынка фрукты и даже однажды предложил вместе посмотреть старый фильм, от которого, как утверждал, «у него ком в горле». Но чем безмятежнее становился быт, тем чаще возвращались к Сарине прежние тревожные вопросы. Всё казалось слишком выверенным — будто по чужому сценарию, предназначенному для спокойствия, но не для любого проявления жизни. Иногда она ловила себя на том, что ждёт срыва, крика, странной колкой фразы или обидчивого молчания, — но дни тянулись ровной ниткой, ровно до следующего утра.

Она научилась улыбаться — легко и часто, но сама себе казалась искусственной, словно примеряла чужую маску. Вечерами, когда Ярд ложился спать раньше, она задерживалась на кухне, долго сидела в полутёмной комнате, глядя на улицу. Часто мысленно возвращалась к той неделе у Ренны — к смеху, свободе и даже к хлопотам, о которых годами мечтала забыть.

Иногда ей мерещился шероховатый звук когтей по полу, тихие движения, как будто за углом в прихожей снова ждал кто-то чужой — привычный и тёплый одновременно. Она

ругала себя за эти мысли, списывала на усталость и силу воображения, но отчего-то вечерняя тишина становилась всё плотнее.

К концу недели её внутренний диссонанс только усилился: с одной стороны, стоило радоваться возвращению покоя, с другой — тёплая, хаотичная жизнь с подругой и псом казалась куда реальнее, чем совершенство этого притворного мира.

В субботу утром, когда за окном наконец распогодилось, а в воздухе повисла весёлая суета выходного дня, Сарина неторопливо вытирала посуду на кухне, когда на экране телефона замигал вызов от Ренны.

— Слушай, подруга! — воодушевлённо выпалила Ренна, едва Сарина ответила, — у меня тут всё горит, выставка через час, а этот Беловолосый мой — король лени! Не выгулять, не прокормить нормально. В голосе Ренны сквозила нарочитая усталость, смешанная с самим собой придуманным драматизмом. — Ты давай, возьми его к себе на пару-тройку часов? Всё равно твой Ярд нынче такой милый: хоть на хлеб намазывай, хоть к детям пускай — не заметит он и слона на кухне!

Сарина усмехнулась. За остроумием Ренны всегда скрывалось лёгкое напряжение — так нервничают только те, кто очень хочет попросить и очень не хочет показаться просящим.

— Конечно, — ответила она, — тем более твой Беловолосый обещал мне рассказать этот свой лайфхак по разбору мусорного ведра. К тому же Ярда сейчас дома не должно быть — он поехал к брату.

— Прекрасно, значит, останетесь вдвоём, — Ренна удовлетворённо откинула эту заботу с плеч, — только смотри, не перекормишь мне зверя!

Чуть позже Сарина встретила Ренну у подъезда. Та уже стояла с псом, держа его поводок с ленивой грацией фокусника, убеждая прохожих, что всё под контролем.

— Только не устраивай ему спа-салон! — напоследок бросила она, отпуская ремень. — Хотя... если он к концу дня начнёт лаять голосом твоего Ярда, срочно звони!

Пёс привычно понюхал ладонь Сарины и покорно зашагал рядом, как будто с самого утра знал, что сегодня предстоит увидеть новый дом.

Сарина шла домой со странным чувством: чуть нервно — всё-таки пёс у неё дома, пусть и на время, — но почему-то ощущая, что эта встреча давно была необходима обоим.

Глава 4

Сарина открыла дверь легким, привычным движением. Холл встретил их прохладой, пахнувшей порошком, свежей древесиной и чем-то железным, что только ей казалось тревожным признаком перемен. Пёс вошёл осторожно, не топясь — большой, мягкий, светлый, он ступал, как в снегу, оглядываясь по сторонам. Взгляд его был внимательный, словно он первым делом хотел убедиться: не ждёт ли здесь опасность.

Сарина сняла поводок, стоя босиком у порога, и, чтобы как-то разрядить вдруг натянувшуюся тишину, попыталась пошутить:

— Это не галерея и не салон красоты, но чай с баранками гарантирован. Проходи, знакомься с новым стилем скромной квартиры.

Пёс обежал взглядом комнату, задержался у книжного стеллажа, потом резко повернул в кухню, как будто принялся к чему-то знакомому и чужому одновременно. Сарина наблюдала за ним с неловкой улыбкой и удивлением — казалось, его рост стал ещё внушительнее, а движения обрели осторожность зверя, которого занесли в хрупкий стеклянный мир.

На диване он не задержался, а выбрал место у окна — устроился, положив лапы на ковёр, и внимательно наблюдал

за улицей, будто почувствовал, что что-то важное должно произойти там, а не внутри квартиры.

Сарина, стараясь вести себя непринуждённо, налила в миску воды, поставила недалеко от батареи, где когда-то всегда любил лежать её старый кот.

— Вот, держи, а потом устроим экскурсию по местам славы. Главное — обходи мою коллекцию чашек, она очень злопамятная, — сказала она, озираясь на пса.

Но сегодняшний день будто развернул в квартире какую-то иную тишину: простая рутина вдруг показалась ей чужой. Тени на стенах стали чуть темнее, воздух плотнее, а старый скрип ступени в коридоре отозвался эхом — таким резким, что она впервые за много месяцев вздрогнула сама от себя.

Всё было не так, как всегда. Пёс задумчиво сопровождал её взглядом, не лаял и не скребся, но что-то в его посадке, вытянутой шее, в том, как сместился центр его тяжести — выдавало внутреннее напряжение. Казалось, он ждал сигнала, ждал, когда в пространстве квартиры — безмятежной, привычной, безопасной — появится нечто чужеродное, что потребует его реакции.

Сарина села рядом на пол, медленно протянула руку. Пёс позволил себя погладить, но его шерсть казалась электрической, под пальцами проскакивали едва заметные искры. Она попыталась встряхнуться, отпустить смешную тревогу, но стало только холоднее.

За окном кто-то захлопнул машину, по полу прокатился короткий ветер. Пёс настороженно повёл ушами — до странного, до животной прямоты. Его глаза снова остановились на ней, и в этот момент Сарина впервые почувствовала, что находится в одном пространстве уже не просто с животным, а с кем-то, кто слишком хорошо знает тишину на грани бури.

Час прошёл неожиданно быстро. Сарина незаметно увлеклась — она присела на пол рядом с псом, рассказывала ему вполголоса о жизни, даже привычно комментировала новости фоном. Сначала его присутствие пугало, но постепенно становилось странно успокаивающим: пёс слушал внимательно, почти по-человечески кивая мордой на особенно важные фразы.

Шум в подъезде она почти не восприняла всерьёз — ведь Ярд обещал вернуться позже. Только когда резкий звук ключа повернулся в двери, у Сарины внутри всё похолодело. Пёс напрягся, повернулся к выходу.

Ярд ворвался резко, с удивлением и мгновенной злостью. — Это ещё что за зоопарк у меня в квартире?! — взревел он с порога.

Беловолосый мгновенно приподнялся, затаился у стены. Сарина поднялась, пошла мужу навстречу, пытаясь заговорить:

— Это не... Я сейчас всё объясню, — начала она, но не успела договорить.

Ярд резко двинулся к ней, в его движениях появилось то самое ледяное, раздражённое бешенство, от которого стеклянно дрожал воздух в квартире.

— Вон, чтоб его духа тут не было! Ты что себе позволяешь?! Он схватил Сарину за запястье, и её попытка вырваться только разозлила его сильнее. В следующее мгновение он толкнул её вбок — взгляд застыл злобой, в движениях была непривычная грубость.

Сарина отлетела в сторону, поскользнувшись на гладком полу и, не удержавшись, ударилась головой о жесткий угол кровати. Перед глазами поплыли круги, звук в комнате затих, будто кто-то накрыл её головой ватой. Сквозь расплывающиеся пятна она увидела, как пёс резко вскочил, выгнул спину, став между ней и Ярдом. Глухое рычание наполнило комнату.

Лежа на полу, Сарина слышала своё короткое болезненное дыхание, почувствовала влажную теплоту на затылке — и только через мгновение поняла, что из раны ползёт тонкая ниточка крови. Всё вокруг сужалось — голоса, свет, даже боль вдруг стали дальними.

Пес перешёл в наступление, его рычание прорезало пространство между ними — теперь уже не украдкой, а всерьёз, бесповоротно.

Сквозь мутную, мерцающую пелену Сарина словно вынырнула из собственного тела и застыла между мирами, наблюдая происходящее со стороны, с высоты чужого взгляда. Звуки — приглушённые, будто всё происходит за толстым

стеклом. Ярды, искажённый гневом, делает шаг вперёд — всем своим видом выражая решимость избавиться от нежеланного гостя.

Он замахивается, собираясь пнуть пса. В следующий миг пространство будто ломается: по белой шерсти животного вспыхивают ярко-красные, полупрозрачные символы, таинственные и тревожно живые. Пёс кажется вдруг выше — разрастается, тяжелеет, тень от него ложится по-особому плотная, будто между ним и светом проходит нечто потустороннее.

Клыки оголяются, и из раскрытой пасти на пол падает капля крови — или то, что ей кажется кровью. Сарина окончательно не понимает, где реальность, а где наваждение, но этот кадр, как вздрогнувший кадр чужого сна, навсегда отпечатывается где-то глубоко внутри.

Лицо Ярды — в этот момент абсолютно незнакомое, искажённое от страха, глаза застывают в том самом ужасе, который бывает только когда человеку показывают нечто, что не укладывается ни в одну из его защит.

Сарина чувствует чьёто мокрое прикосновение к своей ладони. Резкая, острая боль пронизывает сознание, вырывая её из последней опоры. Мир рассыпается ослепительно пустым светом, и она полностью проваливается в темень сна — туда, где боли уже нет, где не слышно чужого дыхания, ни угроз, ни рычания.

Темнота мгновенно сгущается, как занавес, уводя её туда,

где воплощаются совсем другие законы.

Темнота обволакивала, не давая телу ни тяжести, ни формы. Было ощущение, что она летит или плывёт — без мысли, что у неё вообще когда-то было тело. Постепенно в этой пустоте начали прорастать детали: резкие, незнакомые запахи, фрагменты чужих голосов, чьи-то тени, холодные и хрупкие, скользящие по внутренней поверхности век.

Вдруг Сарина оказалась на гладкой плите стены — как будто парила над громадным городом, растекающимся во тьме красно-жёлтыми росчерками огней, но в этих огнях не было тепла. Воздух был чересчур плотным, окрашенным странным металлическим привкусом. Здания вокруг — высокие, будто вырубленные из одного сплошного серого камня, без окон и дверей, их зубчатые крыши терялись в густом, косом мареве небес. Ни одного знакомого предмета, ни человеческого лица — только холод и тишина, в которую вдруг впелся отдалённый, ритмичный звон, похожий на шаги тяжёлых сапог по железу.

Сарина стояла — или висела — и только сейчас осознала, что больше не может пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже взглядом. Но при этом она будто видела — где-то впереди из густого тумана выступала фигура. Мужчина. Его облик был странно размытым: вытянутый силуэт, длинное серое одеяние, в глазах — отблеск недосказанных слов. Его движения были неторопливы и уверены, но в них чувство-

валось что-то звериное, хищное. Он остановился так близко, что Сарина почувствовала холод его дыхания на своём лице.

— Ты пришла, — заговорил он тихо, как будто слова рождались не во рту, а почти сразу внутри её головы. — Я видел, как ты падала.

Голос был чужой и, в то же время, тягостно знакомый — как эхо давнего страха. Сарина попыталась ответить, но во сне слова складывались в силуэты, а не в звук. Мужчина улыбнулся — тонко, беззлобно.

— Это место не для всех. Для тех, кто пересёк черту. Он повернулся, плавно приглашающе протянув ей руку — его пальцы были длинны и странно изогнуты, с бугристыми костяшками. — Путь начинается здесь. Ты ищешь ответ, хотя даже не знаешь вопроса.

Вдруг пространство вокруг начало меняться: стены и камни растаяли, уступая место странному ландшафту. Ржавые деревья, скрюченные и чёрные, росли прямо сквозь залитый багровым туманом песок. На горизонте полыхал огонь — неподвижный, будто само небо горит не исчезая. Мужчина шагнул вперёд, взгляд его стал жёстче.

— Запомни этот свет, — сказал он резко. — Он выжжет всё.

Сарина ощутила жар у самой груди, боль в прикушенной ладони. Тени вокруг неё шевельнулись, словно зовя за собой. Она каким-то сном, какой-то второй кожей почувствовала их — этих бестелесных, забытых, утерянных, которые рвали

ей память тонкими голосами.

— Не бойся, — шепнул он. — Ты пришла не случайно.

Всё завертелось, пространство разом скукожилось до точки, охваченной искрами и чужим жаром. Сарина закричала — во сне или наяву — и провалилась глубже, во мрак без дна, где не было ни боли, ни страха, ни себя.

Ренна всегда входила в чужие дома с лёгкой насмешкой и чем-то похожим на уверенность в собственном бессмертии. На этот раз она, приоткрыв дверь, даже не постучала предупредительно, а, как обычно, крикнула с порога:

— Ну что, как вы тут — перекроили интерьер или только расписали стены?!

Голос эхом разлетелся по коридору, но ей никто не ответил. Было что-то не так: в воздухе стояла ужасающая, вязкая тишина, от которой обычно хочется смеяться, но в этот момент все слова застряли у неё в горле.

Ренна шагнула вперёд — и застыла. Посреди комнаты, в хаосе разбросанных вещей, Ярл сидел на полу, сгорбившись, мутным взглядом уставившись в одну точку. Он что-то бормотал, судорожно хватая воздух дрожащими пальцами и тыкая рукой куда-то перед собой, будто отмахивался от невидимого собеседника.

Дальше взгляд Ренны скользнул вниз — и холод пробежал по коже. Сарина лежала на ковре, и под её головой стремительно растекалась алая лужица, в которой уже начали рас-

ползаться, как ржавчина, тёмные края. Беловолосый пёс сидел рядом, прижимаясь мордой к её груди, улавливая дыхание, будто выискивая последние слабые удары сердца.

На мгновение всё застывает. Ренна остаётся абсолютно неподвижна, не слышит собственных шагов, не чувствует пола под ногами, только очень чётко видит каждую деталь — пустой взгляд Ярда, дрожащую грудь пса, синюю прядь у виска Сарины, скользящие крошки стекла...

И тут врубилась паника. Ренна набрала службу спасения с нечеловеческой скоростью, голос её надломился:

— Скорее! Человек без сознания... много крови... улица Кавернесса, дом тринадцать, квартира пять... нет, не шевелится... поспешите!

Уронила телефон на пол, кинулась к Сарине, осторожно подложила под голову угол подушки, отгоняя трясущимися руками пса, но тот не ушёл — лишь чуть отступил, пристально глядя на неё из-под тяжёлых век, в его глазах отражался весь холод и ужас этой минуты.

Боль и паника стучали в висках, но Ренна действовала, каждый её жест был острым и быстрым, как шёпот:

— Держись... Держись, милая... — шептала она, чувствуя, что сама сейчас просто расколется на осколки.

Время замерло в этих двух, трёх, четырёх секундах — пока где-то там, в городе, срывался с места ревуший сиренами автомобиль.

Глава 5

Прошла долгая, вязкая неделя, каждая минута которой оставалась слипшейся комком в памяти Ренны. Время перестало быть календарём — вместо него были запахи больничного коридора, звяканье капельниц, голоса санитарок и тот странный осенний свет, что сочился сквозь матовые стёкла в палату.

Сарина лежала неподвижно, словно бы застыла посреди тяжелого, бесцветного сна, где дни сливались друг с другом. За её восстановлением следила бригада врачей: они говорили о положительной динамике, отмечали каждый вздох, записывали каждый миллиметр улучшения. Но для Ренны всё это было только пеленой чужих слов, непрозрачной между ней и подругой.

Ренна сидела у больничной кровати практически безвылазно. Иногда засыпала, сжав телефон и блокнот. Ей казалось, что если она отойдёт — даже на минуту — с Сариной может случиться что-то необратимое. Она забывала, какое сегодня число, перестала замечать усталость, ела по инерции, стискивала плечи у окна, чтобы не расплакаться при враче.

Когда, на исходе седьмого дня, Ренна в очередной раз не смогла подняться со скамейки и просто опустилась рядом, на холодный кафель, дежурная сестра позвала главврача. Через

полчаса её, уже дрожащую и остекленевшую от изнеможения, окружили двое медиков и принялись уговаривать:

— Гражданка, вы уже неделю здесь, вы сами не выдержите ещё одного кризиса. Вашей подруге становится легче, без сознания она не останется, а вот вас придётся класть рядом с ней, если не уйдёте домой и не отдохнете.

Ренна, выслушав это, пыталась возразить, но у неё хватило сил только устало раздражённо вздохнуть. Она выглядела потерянной: волосы растрёпаны, в глазах — усталый свет, по запястьям следы от резинок, которыми она щелкала себя, чтобы не провалиться в сон. Медсестра мягко, но настойчиво помогла ей встать, передала пакет с вещами, сунула в руку мобильник.

За дверью палаты Ренна остановилась, обернулась на мгновение — Сарина лежала так же тихо, но уже чуть теплее, с тонкими розовыми пятнами на щеках, будто возвращённая жизнью. Это стало для Ренны последним звонком: она, шатаясь, вышла из отделения, шагнула в осеннюю темноту, где кровь жизни постепенно сливалась с мерцающим городом.

Она впервые за всю неделю позволила себе заплакать: не с отчаянием — с облегчением.

Ренна возвращалась домой впервые за долгую, иссушающую неделю, словно в чужое пространство, которое обросло за эти дни призрачной тишиной и невидимой тяжестью. Она не ощущала усталости — скорее, была наполнена пустотой,

где эмоции сгорели дотла, оставив только набор автоматических движений.

Весь этот тревожный, длинный промежуток времени Ренна по инерции продолжала ухаживать за псом. Не по зову чувств, а как за очередным пунктом в длинном списке, где сам список важнее содержания. Она ставила ему воду, насыпала корм — и тут же забывала, что делает. Ни разу не задержалась, чтобы с ним поговорить или просто погладить по голове. Смотрела сквозь, как сквозь грязное окно, всю себя оставляя между белыми простынями и аппаратами в палате Сарины.

Пёс встречал её каждый раз одинаково: садился у двери, чуть склонял голову, долго и пристально смотрел прямо в глаза. В его взгляде было что-то тревожное, требующее, быть может, ответа, на который у неё попросту не было сил. Как-то раз он неожиданно вылез ей вслед, когда Ренна, забыв что-то важное на полу, поспешно захлопывала за собой дверь, но даже тогда она не остановилась.

В квартире всё казалось выцветшим. Запах кофе превратился в запах больницы, даже солнечные лучи на подоконнике не приносили радости. Галерея стояла в глухом простое — двери заперты, выставки отменены, художникам отправлено короткое объяснение: «Форс-мажор, перенос сроков, извинения». В объявлении на двери висел унылый листок, где даты новых показов были зачёркнуты неровной рукой. Коллеги писали сообщения, несколько раз звонили, но

Ренна не брала трубку, не отвечала ни на одно письмо, будто всё, что было жизнью, осталось далеко в прошлом.

За эти дни прояснился вопрос о Ярде. Первый раз она услышала диагноз врачебной бригады тогда же, когда её насильно отправили домой:

— Реактивное психотическое расстройство, — повторяла она про себя потом, сидя в пустой кухне, — острая форма с амнезией, галлюцинациями, агрессией... Врачи добавили, что шок мог быть вызван «резким психотравмирующим событием». Ярда после инцидента с Сариной быстро перевели из городской больницы в специализированную клинику на окраине Белестарна, где посещения ближайшие недели были невозможны.

Ренна вздохнула, откудато вновь вспомнив взгляд этого человека в тот момент — затравленный, в панике, как у дикого зверя. Теперь о нём остались только скомканные медицинские заключения и туманные рассказы санитаров, что он всё ещё «разговаривает» с тем, чего никто не видит.

Мир вокруг сузился до нескольких призрачных вещей: тени пса, которого она механически выгуливала, ощущения — «мне надо, и всё», — и медленных, вязких вечеров под глухим, безответным небом.

Пёс всё так же смотрел на неё — ища ответа, вряд ли надеясь получить хоть какой-то.

Для пса время растянулось в один бесконечный, горький

миг. Каждый день для него становился острее и тоскливее, чем предыдущий — ожидание истончало внутренний мир до ниточки, на которой держалась вся его звериная воля.

Он отчетливо помнил, как всё случилось. Помнил, как метался по квартире, обегая раз за разом тело Сарины, когда странные люди склонились над ней, когда в коридоре запахло кровью и страхом, а кто-то кричал, хлопал дверью, звякал медными пружками носилок. Помнил, как не мог прорваться к ней, как во все горло выл — не голосом пса, а каким-то рвущимся из глубины звуком, который, кажется, слышал только он сам.

Когда Ренна привела его к себе домой и заперла в ванной комнате, он долго не мог прийти в себя. Чужие стены, другой запах, новые предметы — всё только усиливало смятение. Если бы был человеком, он бы, наверное, закричал и разбил окна, но в своём зверином обличье он лишь носился по кругу, царапал дверь, бросался на стену. Больше всего мучило не это.

В его голове жил кто-то ещё — чужой, злой, умеющий смеяться. Смех этот был мерзким и холодным — он катился зыбкой волной, отвлекая, дразня, иногда даже мешая двигаться. Иногда голос умолкал на часы, иногда насмешливо шептал: «Такова твоя природа — ждать, глупец. Ты думаешь, есть выход?»

Ежедневно, когда вечер приносил едва заметную прохладу, он тянулся к двери, встречал Ренну — с пустыми глаза-

ми и руками, в которых не было ответа. Запах тревоги, усталости, лунного света — всё смешивалось, закручивалось в странный водоворот. Он не видел той, кого ждал; он искал на лицах, в шагах, в каждом запахе хотя бы намёк на Сарину, но встречал только призрак самой надежды.

Когда Ренна уходила, он ложился у двери, упёршись носом в щель между косяком и полом. Здесь иногда казалось, что он всё-таки почует её след, её шаг, услышит её голос в далёком, зыбком потоке чужих забот. Каждый раз, когда замок щёлкал вновь, он всматривался в Ренну — ищущие, униженные глаза, всю себя выдававшие ожиданием. Хоть бы тень ответа, хоть бы знак! Но день повторялся снова, и неизвестность медленно, терпеливо сжирала его изнутри.

Однажды по ночам он слышал — или казалось, что слышал — не только смех в своей голове, но и прочие, более древние голоса, зовущие его в сон, манящие и пугающие одновременно. Спалила лапы тоска, неприкаянность, ощущение, будто он, и сам не зная почему, должен ждать, сторожить и звать, даже если бы, вся жизнь ушла на это ожидание.

И тихая надежда где-то на краю сознания.

В одну из самых тягучих, безнадёжных ночей что-то в мире вдруг изменилось — не внешне, а внутренне, на другом уровне, где всё настоящее происходит без звука и образа. Пёс лежал у двери, прижавшись к холодному дереву, и тоскливо вслушивался в шаги Ренны за стеной. Но внезапно по

этой самой нити, невидимой, тонкой, до предела натянутой, когда-то связавшей его с Сариной, пробежало едва ощутимое дрожание.

Он вспомнил, как всё произошло. В тот момент, когда Сарина падала, когда мир вокруг рассыпался на осколки боли и страха, он, ведомый какойто глубинной памятью, схватил её ладонь зубами — и прокусил кожу. Не просто от страха или инстинкта — в этом укусе была воля, древняя и сильная: его слюна, смешанная с её кровью, стала тем узлом, который сшил их сущности невидимой жилой. Он передал ей часть своей силы, часть своей сущности, пусть ни один человек бы этого не понял; с этим действием он как будто создал мост между их мирами.

Теперь, в эту ночь, он явственно ощутил, как эта жила вдруг натянулась — затрепетала, заняла тревожной болью. Гдето там, на другой стороне, Сарину тянуло прочь, чтото звало её, манило во тьму, где её уже ждали чужие тени, чужие слова. Эта сила была древней, как сама тоска, — зовущий ветер иной стороны, где не было места ни одному живому, только призракам и теми, кто ходит между жизнью.

Пёс напрягся всем телом, чувствуя, как он тоже на волоске — либо отпустить ту, с кем был связан теперь не только страхом, но и чемто большим, либо попытаться притянуть её обратно, удержать здесь, в этом, таком чужом для него мире, среди людей, которых он не понимал, но ради которых согласился бы броситься в разрыв между мирами.

Он зажмурился, прижавшись носом к холодному полу, и всем своим существом потянул эту нить в обратную сторону. Не пускал, не отдавал. Он звал её сюда — наощупь, не словами, а древним чувством общности, тоски и отчаянной преданности. Он звал её к себе, домой... В этот мир, который должен был её домом.

В эту ночь пространство между снами и явью стало почти прозрачным. Он слышал её дыхание на краю тьмы — слабое, где-то совсем рядом; почувствовал вкус её боли, прочитал в потоке их соединённой крови отголоски её страха. Мир теперь держался на этой нити — тоньше паутины, крепче любого закона.

Пёс не знал — вытащит ли он её или сам оборвётся, но не отпускал, собрав всё, что назвал бы любовью, если бы умел так думать.

Днём, когда осенний свет падал в комнату косыми полосами, телефон Ренны затрезвонил на кухонном столе, перекрыв и мысли, и тяжёлую тишину. Она схватила трубку, рассеянно потеряв лоб, привычно готовая выслушать очередное тревожное сообщение, но голос на том конце был другим — ровным, почти деловитым:

— Добрый день. Это отделение неврологии. Хотели сообщить: Сарина пришла в себя. Она в сознании, стабильно реагирует, скоро переведём в общую палату.

Врач не сказал ничего лишнего, не употребил ни слов уте-

шения, ни осторожных надежд — но для Ренны было довольно этих двух фраз. Мир встряхнулся, поплыл, ожил. Она бросилась к двери, не помня, куда бросила ключи, захлопывая сумку впопыхах, с головой унесённая новым, оглушающим смыслом.

Пёс, который лежал у порога, будто ждал этого мгновения всю вечность. Он поднялся рывком, глаза вспыхнули пониманием — ведь он давно читал по её лицу, по дыханию, даже по запаху страха и облегчения: что-то изменилось, ниточка натянулась совсем по-другому. Он кинулся следом, пытаясь быть на одной линии с ней, стать частью движения — к ней, к той, что была его связью с этим миром.

Но Ренна, уже не в силах думать о чём-то ещё, хлопнула дверь прямо перед его носом. Позади послышался короткий скулёж, тупой удар лапы о дерево, а потом тишина, заряженная ожиданием. В этот миг в комнате остался только пёс — растерянный, но наполненный необъяснимой уверенностью: где-то очень близко она зовёт его, даже если сама об этом ещё не знает.

А Ренна уже мчалась по лестнице, не замечая ни тусклого света в подъезде, ни собственной усталости, забывая всё на свете, кроме короткого и долгожданного известия: Сарина проснулась.

В палате стоял мягкий вечерний свет, когда Ренна буквально ворвалась в дверь, сломя голову забыв все приличия,

и, тяжело дыша, сжала подругу своим объятием.

— Ты пришла в себя, чтобы я смогла тебя задушить обнимашками — я же тебе весь воздух из лёгких выжму! Смотри, наберёшь от меня пару лишних килограммов — и врачи забудут, как зовут настоящую пациентку, — тараторила она, вытирая уголком халата не то каплю пота с переносицы, не то слезу.

Сарина слабо улыбнулась, приподнявшись навстречу. Она чувствовала себя измотанной, как будто все силы кончились, оставив лёгкую прозрачную оболочку — и только знакомый голос подруги возвращал ей ощущение настоящего.

Ренна уселась рядом, не выпуская Сарину из цепких рук, и тут же посыпала рассказы о прошедших днях. Она сыпала шутками, рассказывала, как каждый день приходила в их старую квартиру, как пёс следил за ней, словно за призраком, как пыталась держаться, но только и делала, что рыдала по ночам, а потом улыбалась санитаркам.

— Ярд, — сказала она наконец, быстро и почти не глядя в глаза, — его отправили в Лаврскую психиатрическую. Врачи говорят — расстройство, сильный стресс. Не знаю, как там всё будет, но... он теперь далеко.

Сарина послушала молча. В уголках её глаз дрогнуло что-то ускользающее, на мгновение она опустила взгляд, будто вот-вот скажет «Пусть бы хоть кто-то вернулся другим...», но быстро собралась и слабо усмехнулась: — Может, это и к лучшему, правда? Теперь хотя бы будет спокойно. Может,

твой пёс перестанет считать нас своим личным стадом.

Ренна обрадованно закивала: — Он всё это время смотрел на меня, как на круглосуточный кофейник — и ждал, что я ему объясню, где твои тапки и почему нет Сарины на диване. Сама пойми — наша психо-семейная драма оказалась ещё больше, чем выставка ретро-авангардистов.

Они говорили долго — Ренна тараторила всё подряд, размахивая руками, а Сарина кивала, слабо улыбалась, качала головой и притворялась ужасно усталой только ради того, чтобы подруга лишний раз не заплакала.

В какой-то момент дверь открылась, и пришёл врач: — Готовьтесь, — сказал он. — Вас переводят в общую палату. Судя по такой динамике, выпишем вас ещё быстрее, чем планировали.

Ренна расцвела: пространство вокруг словно просветлело, и даже больничная суета показалась на короткое время местом, где есть место радости.

Вечером, уйдя из больницы, она шагала по улице почти вприпрыжку. Впервые за долгое время в голове её не было пустоты, только солнце, запах железа на руках и отчётливое предвкушение: завтра обязательно открыть галерею. «Посмотрим, неужели мои вечно недовольные клиенты меня не съедят. Или скажут, что художница сбежала в монастырь», — хихикнула она, поймав себя на этом забавном образе.

Дом казался чуть светлее, не то чтобы счастливее, но на-

полненным затаённой надеждой. И где-то во взгляде пса у двери промелькнула тень чего-то нового — спокойствия, которое обоих соединяло с возвращением самой важной части их жизни.

Глава 6

Сарина лежала в палате, прислушиваясь к собственному дыханию и слабому, тупому холоду в затылке. Боль чуть утихла, истончилась, уступив место какому-то новому ощущению внутри — притуплённой, но явственной мощи, которую она не могла охватить мыслями. Где-то внутри притаилась сила: осторожная и незнакомая, будто часть её самой, но не подвластная привычной логике.

Она закрыла глаза, и сны, что мучили её в бессознательном мраке, встали перед ней с пугающей чёткостью. В этих снах был другой мир — скользкий, неустойчивый, с ландшафтами, которых не бывает ни в сказках, ни в кошмарах. Там не было привычных звуков — только рваное дыхание ветра, густой шёпот и неустойчивый свет, напоминающий остывающий костёр среди оживших теней.

Существ было множество. Некоторые сверкали волчьими глазами, их силуэты были чётко собачьими, только чересчур вытянутыми и изломанными, как тени на разбитом стекле. У других передние лапы переходили в тощие, человеческие пальцы, а челюсти открывались, обнажая не зубы, а длинные, изогнутые кости, издававшие странный скрежет.

Среди этих существ ей запомнилось особенно одно — оно стояло в стороне, полуприсев на корточках. Чем-то походило на ящера: гладкая кожа, длинный, подрагивающий хвост и

острые, темные пятна на голом черепе. Оно смотрело прямо на неё оранжевыми, мокрыми глазами; в них плясало ожидание — или жажда поглотить её жизнь.

В этих снах ей казалось, что она сама становится такой: ноги вспухают, пальцы вытягиваются, челюсть наливается силой, которую не отличишь от ярости. Иногда она вспоминала себя бегущей по горячему пеплу, ошетилившись шерстью, а иногда — зарытой в мшистую землю, где стонут и рычат другие, такие же странные существа.

Там же был свет — холодный и острый, разрезавший чужой пейзаж, как клинок. В этом свете появлялись безликие фигуры: полуобнажённые, переплетённые плотно — то ли братья, то ли звери, то ли воплощённые обиды всего человечества. Они молча окружали её, но не причиняли вреда — ждали, смотрели, чуть склонив головы набок, покачиваясь на перепончатых лапах.

Особенно остро врезался момент, когда мечущийся в ней страх вдруг сменился тягой: она почувствовала зловещий призыв, будто кто-то невидимый резко дёрнул её за внутреннюю верёвку, натягивая, как щенка на поводке. В тот миг тьма закрутилась вокруг в бешеном темпе: лица, лапы, хвосты, клыки — всё смешалось, провалилось в воронку света. Она слышала тонкий, почти знакомый вой — зов, не похожий ни на человеческий голос, ни на звериный.

В тот же миг она вдруг ощутила: возвращение. Словно кто-то сильный потянул её обратно, не позволив исчезнуть,

раствориться среди тварей. Ощущение было пугающим и ликующим одновременно — она тянулась к жизни, к себе прежней, и к тому, кто звал её из другого края сна.

Мир закружился — тяжёлый, скользкий, окрашенный сиреневым светом заката. На какой-то миг её сознание зависло между этими мирами, но потом боль в затылке вспыхнула так остро, что всё исчезло — и она открыла глаза в больничной палате, среди привычного холода, чистых простынь и мерцающих теней на потолке.

В груди по-прежнему горело то новое, мощное чувство. Она не знала, что это, но была уверена: оно появилось не случайно, и скоро потребует решения — или новой жертвы.

Через две недели после того, как Сарина впервые открыла глаза в палате, её выписали. Коридоры больницы казались ей короче, чем были, воздух — странно густым, почти сладким, а собственное тело — иным: чуть тяжелее, чуточку сильнее и... чужим, но пока ещё управляемым.

У ворот её ждали. Ренна — вся преображённая, с яркой улыбкой и поводком в руке, на другом конце которого нетерпеливо тянулся пёс. Стоило Сарине шагнуть через порог, как собака рванулась к ней, ткнулась в колени мокрым носом, выдохнула горячо и настойчиво, будто проверяя на крепость ту реальность, в которой она оказалась.

— Вот теперь понятно, кто здесь главный по части встреч, — заметила Ренна, хватаясь то за локоть Сарины, то за пле-

что, будто боялась снова потерять. — Ну что, госпожа выздоравливающая, пойдём отмечать долгожданную свободу? Клянусь, если сейчас не накормлю тебя сырниками, моя репутация лучшей подруги сойдет на нет.

Сарина улыбнулась впервые по-настоящему — мягко, устало, будто просыпаясь после долгой внутренней зимы. Они пошли по улице; Ренна тараторила, размахивала рукавом, рассказывала свежие городские новости, жаловалась вполголоса на местный транспорт, и лишь иногда бросала к Сарине изучающий взгляд: всё ли в порядке, есть ли тень волнения в глазах.

Пёс шагал вровень с ними — не отставая. Он держался как страж: теперь, когда Сарина вышла из больницы, границы его мира сузились до неё одной. Он не отходил ни на шаг, пронизывая её пристальным, внимательным взглядом — без попыток играть, без обычной собачьей суеты; в нём была застенчивая, молчаливая преданность и безмолвное знание, будто он ждал этого момента всю жизнь.

Кафе встретило их запахом кофе и ванили; сквозь открытые двери доносился негромкий смех и позвякивание посуды. Ренна тут же вернула себе роль хозяйки положения — заказала сырники с вареньем и чайник травяного чая, села на кованное крыльцо и потянула Сарину за собой.

— Если я ещё раз услышу от тебя слово каштановый кисель, то просто объявлю тебя персоной нон грата в этом за-

ведении, ясно? — поддразнила она, оглядывая подругу с решимостью, которая казалась почти материнской.

Пёс лег у ног Сарины, вытянувшись вдоль досок крыльца, и осторожно положил морду на её ботинок, словно отмечая границу мира, которую больше никому не позволял пересечь. В его взгляде теперь было не просто ожидание — а странная, зыбкая радость узнавания, почти облегчение.

Вскоре официант принес большой белоснежный чайник, дымящуюся чашку кофе и блюдо с горячими сырниками, щедро политыми сметаной и вишнёвым вареньем. Сарина взглянула — и не смогла устоять: схватила вилку и жадно накинулась на завтрак, почти забыв о манерах. Первый кусочек вызвал у неё острое наслаждение, следующий — тихую ностальгию по нормальной жизни.

Ренна залилась смехом:

— Ты смотри на себя! Вот оно, истинное исцеление: если пациент начинает поглощать сырники с такой скоростью — врачи могут спокойно записывать в выписку «слегка повышенный аппетит и серьёзная тяга к миру живых». Ещё неделя, и ты съешь меня заживо, а не только свою порцию!

Сарина усмехнулась, не отрываясь от еды, а пёс, уловив перемену настроения, чуть подался вперёд и, кажется, самым кончиком хвоста позволил себе короткий взмах — осторожный жест благодарности.

Когда, насытившись, они уже допивали кофе, Сарина вдруг посерьёзнела:

— Мне нужно к Ярду. Я... должна хотя бы попытаться с ним поговорить.

Пёс тут же насторожился — шерсть на загривке поднялась, он зарычал тихо, непримечательно для постороннего, но в этом звуке чувствовалось отчётливое предостережение.

Ренна фыркнула, притянув к себе чашку:

— Во-первых, там карантин и тебя даже близко не подпустят. Во-вторых — я полностью поддерживаю позицию Призрака, видимо, он тут главный голос разума. Она оглянулась на Сарину пристально:

— Ты правда думаешь, что он заслужил хотя бы слово? После всего этого?

Сарина сжала ладонь, упрямство мелькнуло в уголках губ:

— Я обязана, Ренна. Если я не поеду — буду жалеть, всю жизнь. Это не про прощение, не про долг. Просто мне нужно увидеть его таким, какой он стал.

Ренна покачала головой и, уже мягче, подалась вперёд:

— Я знаю тебя, упрямица. У меня одна просьба. Поедем только тогда, когда я действительно поверю, что ты вернулась к себе полностью. Не когда очередной каскад утренних снов подтвердит — мол, вселенная намекает. И, клянусь, сначала заставлю любого врача обследовать твой мозг на предмет «сотрясённого упрямства».

— Договорились, — сказала Сарина после короткой паузы, с благодарной улыбкой.

Пёс, уткнувшись носом в её ладонь, перестал рычать, но

взгляд его остался настороженным: он явно не собирался забывать тему разговора.

Ренна уже на самом крыльце кафе, вместо привычных прощальных слов, с неожиданной твёрдостью произнесла:

— Так, слушай меня сюда, бродяга. Пока я не буду уверена, что твоя голова всё так же крепко привинчена на месте, ты живёшь у меня. Не спорь, мне проще с тобой, чем потом забирать заново из реанимации.

Она не давала Сарине вставить ни возражения, ни отговорки — взяла её под локоть и потянула к выходу, бросив на пса наставительный взгляд:

— Ты — сторожишь подругу. Понял? Без права отлучаться!

По дороге домой они зашли в ближайший магазин: Ренна с привычной хозяйственной быстротой скупил пакет гречи, яйца, сыр, шоколад, пару бутылок минеральной воды и что-то по мелочи — всё, что символизировало для неё возвращение нормальной жизни. Сарина же слонялась по проходам чуть отрешённо, стараясь не вспоминать, как больничные сны соскальзывают в явь.

Дома всё было почти по-старому, только чуть теснее: вещи и книги перемешались с заботливо расставленными запасами еды и кружками, на которых были смешные кривые рисунки Ренны. Пёс тут же нашёл своё место — вытянулся на краю дивана, чуть касаясь лапой ноги Сарины, будто про-

верая: никуда не исчезнет.

Уже перед сном, когда свет в комнате стал рассеянным, а город за окном шумел ослабевшими голосами, Ренна принялась возиться с пледом, упрямо не желая включать ночник.

— Сарин, — вдруг негромко произнесла она, — только честно... ты помнишь что-то из того дня? Что случилось у нас в квартире, когда все вдруг... сломалось?

В полутьме вопрос повис особенным грузом: будто только сейчас между ними открылась та самая грань, за которой обычные объяснения не работают.

Сарина молчала недолго, коснувшись загривка Призрака — её руки уже не дрожали, но внутри снова поднялась осторожная сила, та самая, что она принесла с собой из чужого сна.

Вскинув глаза, она посмотрела на Ренну — спокойно, чуть устало, будто пытаясь примерить свои слова к реальности.

Сарина устроилась поудобнее в кровати, задумчиво поигрывая краем пледа, и наконец заговорила, медленно, подбирая слова, словно опасалась сбиться.

— Я помню... всё было как в дыму. Мы с Ярдом... он, ему не понравилось присутствие пса, у нас дома. Ты же знаешь его отношение к животным. А потом появился Призрак — он зарычал прямо на Ярда, будто почувствовал что-то. Помню, Ярд испугался, и... будто провалился сам в себя — какие-то глаза, руки, всё вывернулось. Но я не понимаю, почему ему так резко стало плохо. Страшно — да, но не до по-

тери ума же...

Ренна фыркнула и легонько стукнула подругу по плечу: — У Ярда, честно говоря, ума с самого начала не было особо. Там, где другим есть чем тронуться, ему было просто нечем!

Сарина устало улыбнулась, но тут же нахмурилась: — Помню, что Призрак... он укусил меня за ладонь. Сильно, до боли, как будто специально. Тогда я думала, что он просто пытается... не знаю, привести меня в чувство? Но мне показалось, что это не только... инстинкт. В тот момент мне стало странно — как будто через этот укус что-то... произошло.

Ренна притворно надула щеки, взглянула на собаку:

— Ай-ай-ай, Призрак, нехорошо! Хотя, видимо, он сообразил быстрее всех, что делать. Не каждый день собаке приходится брать на себя роль дефибриллятора.

Сарина вдруг ощутила странную несостыковку и, нахмурившись, протянула Ренне ладонь:

— Вот только странно... Посмотри сама, — она повернула кисть, подставила под ночник кожу. — Мне казалось, укус был очень сильным, я даже помню, как кольнуло, прямо до костей... Но смотри — ничего. Ни следа. Ни царапины, ни синяка, хотя должно было остаться, честное слово.

Ренна наклонилась, пристально всмотрелась, повела пальцем по коже:

— Магия мозга! После такого удара головой чего только не привидится. Ты лучше спи, а завтра, глядишь, у тебя вообще хвост прорастёт от этих снов, — прошептала она уже

сквозь зевок.

Сарина тихо улыбнулась: ощущение нереальности происходящего никуда не делось, но сон подступал неотвратимо, стирая тревоги очередной границей между мирами. Призрак улёгся у кровати, дыша ровно и тяжело, а Ренна, уже почти убаюканная тишиной, добавила напоследок:

— Главное, что ты снова с нами. Даже если иногда кажешься не до конца настоящей, — и уснула, будто сбрасывая все страхи прочь.

Всё вокруг утонуло в молочной дымке — призрачные силуэты деревьев, хрупкие световые прожилки, плывущие вдоль земли. Вдалеке доносилось пенье птиц: оно было неузнаваемым, слишком звонким, будто голоса принадлежали существам из другого мира, чей язык не мог бы понять ни один человек.

Сарина стояла посреди этой зыбкой тишины, ощущая прохладу в воздухе и странное, мягкое дыхание на своей коже. Чьи-то губы осторожно коснулись её виска — ласковое, обнадеживающее прикосновение, в котором было столько узнаваемого, что сердце будто вспыхнуло от трепетной надежды. Она улыбнулась сквозь лёгкий сон, на вдохе выдохнув удивлённо, почти шёпотом:

— ...Ярд?

Тени вокруг дрожат, дымка вздрагивает тонкой набегающей волной — но в следующее мгновение сильная рука рез-

ко хватает её за плечо. Схватка настойчива, груба, будто кто-то рвёт её из привычного бытия. Её разворачивают лицом вперёд, вырывая из сладкой прохлады чужого дыхания, и всё вокруг начинает стремительно меняться: звуки птиц режет пополам тёмный, надломленный голос.

В следующий миг она оказывается лицом к лицу с тем, кто прервал её радость сна.

Пепельно-жёлтые глаза... Они впились в неё взглядом так близко, что ей показалось: между ней и этим существом не осталось ни воздуха, ни границ. Тепло их янтаря било прямо в сердце, трещинами расходилось по груди, вталкивая её в забвение страха и памяти.

Голос сорвался где-то на грани рыка, дрожал в ночной дымке мольбой и тем, что невозможно выговорить вслух; в нём смешались отчаяние и что-то сдавленное, нежное, запретное:

— Забудь о нём... Слышишь? Есть только я и ты. Больше никого. Пусть это будет, хотя бы сейчас, только наше мгновение.

Эти слова прожигают её изнутри — жалят, как ледяной дождь на разгорячённую кожу. Он склоняется ниже; его губы настигают её резко, неожиданно, в поцелуе — словно в уколе, полном тоски, надежды и подавляемой страсти. Дрогнув, она сжимает его плечи, чувствуя: сердцебиение срывается, страх и недоумение тонут в этой необъяснимой жажде быть рядом.

Через мгновение в ней наполняется что-то новое — слишком сильное, чтобы бороться, слишком родное, чтобы отвергать. Сарина отвечает на поцелуй, впуская в мир свои слабость и жажду, с не меньшей страстью, с тем же отчаянием и трепетом. На острие этой границы исчезает всё — кроме них двоих, растворённых друг в друге в чужом, невозможном сне.

В тот же миг вся дымка рассыпалась, растворяясь в абсолютной тишине. Вокруг больше не было ни деревьев, ни чужого неба, ни призрачного леса — только смутно знакомая комната, полная глубокой синевы. Сарина стоит на исцарапанном паркете, под босыми ступнями ощущает лёгкую прохладу; стены скрыты затенённой густотой, а единственный свет падает из щели между небрежно сдвинутыми шторами.

Лунный луч — странный, с призрачно-жёлтым отливом, почти как пепел — медленно стелется по полу и взбирается по его плечу. Мужчина стоит здесь же, так близко, что она ощущает его дыхание, но не может разглядеть черт лица: они растворяются в полумраке. Она видит только очертания тела, напряжённость жестов, узнаёт голос, но будто скользит по краю узнавания — как будто её память сопротивляется, не подпуская к подробностям.

Но ей больше нечего ни помнить, ни бояться. Вся прежняя осторожность тает, страсть поднимается волной — годы молчания, запретов, тоски вдруг вздымают её изнутри на поверхность, обнажая каждое движение, каждый порыв. То,

что хранилось глубоко, теперь требует выхода — и ничто не может удержать накал, в котором сплетаются желание, нежность и запрещённая жажда быть с этим мужчиной, который стал её единственной реальностью.

Она сама делает шаг навстречу — и весь мир сужается до прикосновения: его руки находят её талию, губы скользят по её щеке вниз к шее, слишком медленно, чтобы можно было не затаить дыхание. Всё остальное исчезает. Есть только он, и глухой стук её сердца, и лунная полоска между шторами.

Взгляд мужчины всё ещё ускользал в полумраке — но когда его рука скользнула по позвоночнику Сарины, она ощутила: движения его точны и решительны, но за этим есть дрожащая неуверенность, предельная осторожность, будто он боится разрушить это странное единение. Его пальцы оставляют горячие следы, когда скользят по её плечам, а дыхание цепляет кожу — то обжигая, то едва лаская.

Он прижимает её к себе, так близко, что их сердца будто ударяются друг о друга. Его губы мягко, но с требовательностью, требуют её отклика, он целует шею, подбородок, губы — жадно, будто выдыхая каждую тревогу и всю одиночество минувших лет. В каждом движении — смесь страсти и отчаяния, то самое острое нежелание отпускать хотя бы в этой, призрачной реальности.

Сарина отдаётся этому чувству — не только телом, но всей собой. Она не разглядывает его черт, но ощущает каждую мельчайшую дрожь его ладони, каждое тихое всхлипы-

вание на выдохе, когда он зарывается лицом в её волосы. В ней вспыхивает всё то, что слишком долго оставалось под кожей тайной — желание быть нужной, быть любимой, быть узнанной даже в своём безумии.

Движения становятся отрывистыми, быстро теряют осторожность — больше нет ни прошлого, ни будущего, только этот лунный свет, охват его рук, его тяжесть сверху... Она прижимает его ближе, отвечая порывом на каждый новый поцелуй, на каждый плавный, чуть неловкий жест. Её дыхание сбивается в спешке, их тела сплетаются, и всё вокруг сужается до ощущения чужого тепла, волны, катящейся сквозь неё с каждым новым движением.

Она чувствует эту безоглядную страсть — смесь жажды, тоски и радости: впервые за долгое время ей не страшно потерять себя, потому что в этом мужчине есть и боль, и спасение. Сердце её нарастает в груди, с каждой секундой вырываясь из ограничений сна, превращая яркое наслаждение в подобие освобождения.

Под самый конец, когда экраны тени и лунного света перемешиваются на их кожах, а поцелуи становятся медленнее и тише, она ловит себя на мысли: она не знает, в каком именно мире сейчас живёт — но здесь ей наконец позволяют быть живой до самого конца.

Глава 7

Утро в квартире Ренны выдалось неожиданно светлым, будто сквозь привычную линзу одолевающей осени прорвалась ранняя весна. Ренна вышла на кухню застёгивая халат, привычно хмурясь от приглушённого света в окне, и на миг застыла в дверях.

Сарина уже была на ногах. Она кружила по комнате босиком, на лету ухватывая то чашку, то книгу, то свой свитер, накинутый не на рукава, а поверх плеч. Она подпевала себе что-то едва слышно — строку, напев, обрывок старой мелодии. Иногда переходила на вполголоса бормотание, иногда на какое-то полузабытое воркование, будто сама удивлялась новому звуку внутри себя.

С каждым шагом её походка становилась всё более лёгкой — после болезненной слабости и дней карантина она теперь двигалась в припрыжку, ловко уклоняясь от скользящих солнечных пятен на паркете, будто правда могла раствориться в этом хрупком утреннем счастье.

Ренна смотрела на неё с глубоким недоумением и тихой, смущённой радостью. Такой Сарину она не видела уже очень давно — разве что в совсем юности, где-то на фото с фестиваля, когда не было ни Ярда, ни скомканных ночей тревоги, ни недосказанных тяжёлых снов. Тогда в ней жила эта весёлая, дерзкая девочка — живая, искренняя, почти безрассуд-

ная.

Сейчас Сарина ловила на себе взгляды — и удивлённо, но весело смеялась, словно каждое её движение само по себе было маленьким вызовом привычному миру. Даже Призрак следил за ней настороженно: исходя вперёд, уши его ловили каждый её вздох, будто он и сам не был до конца уверен — где старая хозяйка, а где новая, солнечная тень.

Ренна пожала плечами, не сразу находя слова, чтобы не спугнуть этот странный, безудержный утренний вихрь в своей квартире. Она прислонилась к косяку, решив наблюдать за этой переменной до тех пор, пока сама Сарина не заговорит о своем настроении.

Сарина ловко поставила чайник и, не теряя легкости в движениях, заглянула в шкафчик за любимым сортом кофе. В то же время она почти на автомате насыпала хрустящего корма в миску Призрака, и, улыбнувшись сквозь утреннюю суету, потрепала его за ухом. Пёс, уловив озорство в её жесте, мгновенно подыграл — лязгнул зубами возле её руки, будто собираясь схватить её невидимую добычу. Сарина визгливо засмеялась, всплеснула руками и пристыженно погрозила ему пальцем:

— Ай, разбойник! Вот когда-нибудь останешься без завтрака за такие фокусы.

Ренна, заражённая этим озорством, наливала себе кофе и в первый раз за долгое время улыбалась без привычной тени тревоги. Она бросила на подругу чуть испытующий взгляд:

— Слушай, что с тобой сегодня? Такое ощущение, что ты проснулась в каком-то неправильном измерении веселья. Признавайся, тебе таблетки подмешали, пока ты в больнице лежала? Или всё же счастье до нас тоже добралось?

Сарина, всё ещё смеясь, пожала плечами, устремив взгляд куда-то сквозь собственные воспоминания:

— Просто сегодня чудное утро... Мне приснился очень странный сон, если честно. Не страшный, нет, а именно... другой. Смешной даже, наверное.

Она умолчала о подробностях, позволив весёлой лёгкости рассеять тень сна между ними. Ренна надула губы и, подражая строгой учительнице, проворчала:

— Сон, говоришь... Головой-то не сильно ударилась вчера? А то знаем мы эти последствия: только полегчает, сразу летаешь по квартире как фея, а потом — бац, и опять головой в стену. Будь осторожна, ты хоть предупреждай, если вдруг решишь превратиться в летучую мышь!

В её голосе было больше нежной заботы и нарочитого ворчания, чем упрёка. Они обе почувствовали, как крепнет, возвращается между ними что-то очень старое — дружба, привычное доверие, взаимная подколка, способная разогнать даже самый плотный туман сомнений.

После бодрого завтрака и пары шуток они вывели Призрака на улицу. Сарина, ощутимо посвежевшая, с улыбкой глотала прохладный воздух, а Ренна, приобняв подругу за плечи, предложила дойти до галереи пешком: — Сегодня пешие

прогулки в моде. Говорят, так лучше работает вдохновение!

Пёс шагал рядом, гордо выпятив грудь и бросая оценки прохожим — за все время он уже прочно стал неотъемлемой частью галереи, любимцем местной публики, а иногда и негласным искусствоведам. С ним на привязи каждый входящий клиент начинал вести себя чуть осторожнее и неизменно улыбался.

По дороге, когда рассвет окончательно сдал свои позиции солнечному утру, Ренна вдруг склонилась поближе, будто делилась тайным заговором:

— Кстати, у меня для тебя новость... Вчера вечером ко мне в галерею зашёл один тип, необыкновенно — в плохом смысле — своеобразный. Представь: длинная костлявая фигура, глаза в кучу, говорит с акцентом — сразу не поймёшь, то ли шутит, то ли оценивает на зуб. Ренна подмигнула:

— Попросил провести его персональную выставку. Сказал: «Искусство должно дышать страхом и снегом». Вот и думай — то ли у него холст вместо мозгов, то ли жанровое обновление. По-моему, этот экземпляр с такими идеями только Призрака может впечатлить!

Пёс в этот момент фыркнул, будто соглашаясь с оценкой, — а Сарина едва сдержала смех:

— А у нас всё по старому: без особых чудиков и неделя не проходит... Интересно, что он на самом деле хотел показать?

— Не знаю, — Ренна сделала вид, что задумалась. — Портреты своих тараканов? Или, может, портреты на мозго-

вой оболочке зрителя? Короче, если начнёшь видеть на стенах галереи странные тени — это не последствия удара головой, а программа выставки!

Им было легко — на этом утреннем солнце, в старых дворах, с лёгким шагом и преданно увязывающимся хвостом счастья за спиной.

День в галерее тянулся ровно, будто густой мед: за стеклянными дверями перекачивался свет, гости неспешно бродили между картинами, у Призрака уже выпросили третий по счёту утренний сухарик из запасов Ренны, а Сарина с головой ушла в развеску новых холстов вдоль дальней стены.

В какой-то момент Ренна бесшумно подошла к ней, будто проскользила между гостями, и приглушённо, чуть сдавленным голосом шепнула ей на ухо: — Смотри, он пришёл.

В зал шаркающей, порхающей походкой вошёл тот самый странный мужчина, что вчера так поразил Ренну. Длинная костлявая фигура, движение плеч чуть сгорблено — будто он пытался спрятаться в собственной тени. Его пальцы то и дело поправляли большущую тёмно-серую папку под мышкой, такая папка непременно могла вместить целое собрание странных и тревожных работ.

Глаза у него были не то серые, не то жёлтые, с едва заметной плёнкой, отчего взгляд казался затуманенным и цепким одновременно. Мужчина вёл себя аккуратно — каждое движение будто заранее продуманное, чуть заторможенное,

словно он боялся оставить за собой слишком громкий след.

Все посетители настороженно обернулись, а Призрак, почуввав неладное, поднял голову и внимательно уставился на пришельца, словно пытался решить, во сне ли он встретил этого человека или наяву.

Мужчина задержался в дверях, будто собираясь с духом, затем аккуратно прошествовал к стойке, осторожно поставил папку на стол и, не мигая, взглянул прямо в глаза сначала Ренне, потом Сарине. Всё вокруг словно на миг замерло, пространство напряглось — даже звуки в галерее стали глуше, как будто воздух сгустился.

Мужчина заговорил сразу, как только затаившаяся тишина между ними стала ощутимой. Его голос был хриплым, чуть надломленным, будто изнутри. — Я принес свои работы для ознакомления... — начал он, выговаривая слова медленно, с чётко расставленными акцентами, — и чтобы обсудить... детали будущей выставки.

Ренна не преминула воспользоваться паузой — ярко, легко, громко:

— А вот и наш главный мозг, лучший эксперт в подборе и оформлении экспозиций, — кивнула на Сарину и почти подтолкнула её вперёд, — моя коллега и, если честно, вечная душа этой галереи.

Мужчина уверенно шагнул к Сарине, протянул ей длинную, неожиданно холодную руку. Двигаясь почти театрально, он крепко схватил её за кисть — и не отпустил сразу. Его

губы поднеслись к её ладони, но остановились буквально в миллиметре, как буд-то сомневаясь, дыхание скользнуло по коже. В этот миг его палец быстро и странно уверенно прошёл по внутренней стороне её ладони, рисуя невидимую линию.

Сарина невольно вздрогнула: ей почудилось, что кожа под пальцем на миг покрылась слабо светящимися, смутно знакомыми символами — они вспыхнули и тут же исчезли, будто растворились в воздухе. На месте прикосновения осталось еле заметное холодное покалывание, как после удара током.

Мужчина мерзко ухмыльнулся, не отводя глаз. Его взгляд был цепким, напряжённым, как у охотника, который разглядывает свою будущую добычу.

Сзади едва слышно вздохнула Ренна и, чтобы разогнать нарастающее напряжение, резко кашлянула:

— Прошу, господин... — она чуть замялась, вспоминая, представился ли странный гость, — давайте пройдем в мой кабинет. Мы как раз любим обсуждать все детали на спокойном месте, за чаем... .

Призрак держался чуть поодаль, но его взгляд практически прожигал фигуру гостя. Он тихо рычал, не скрывая настороженности — шерсть на его загривке топорщилась, а уши были прижаты, будто готов к любому, даже самому необычному развитию событий.

Все трое, скреплённые ощущением недосказанности, двинулись в сторону кабинета. Пространство между ними слов-

но сгущалось, наполняясь предчувствиями и тревогой, которую теперь уже невозможно было списать просто на эксцентричность гостя.

В кабинете стояла чуть напряжённая полутень — солнечный свет тонко пробирался сквозь шторы, на столе поблёскивал чайник и три чашки, подготовленные заранее, будто для важных гостей. Сарина опустилась на край стула, машинально поглаживая Призрака, который пристраивался рядом и ни на секунду не сводил взгляда со странного гостя.

Ренна устроилась за столом, лукаво улыбаясь и пытаясь вернуть встрече полуофициальный тон:

— Ну что ж, господин... — она специально сделала значимую паузу, не зная имени, но её тут же перебили.

Мужчина поднял руку с той же театральной осторожностью, с которой прежде касался руки Сарины:

— Зовите меня Кельмар, — четко выговорил он, словно привычные для него звуки вдруг выцвели среди гласных. На лице вновь мелькнула чуть хищная, чуть снисходительная усмешка.

— Художник, созидающий не образы, а... тени между ними.

Прозвучало это одновременно и как вызов, и как предупреждение.

— Прекрасно, господин Кельмар, — быстро подхватила Ренна, стараясь держаться бодро. — Давайте обсудим, с чем

вы планируете нас удивить и как будем строить будущую экспозицию. Форматы, условия, технические детали... что вы сами видите главным в вашей выставке?

Кельмар не отрывал взгляда от Сарины, но отвечал формально ровно, будто адресуя свой ответ скорее не девушкам, а невидимому собеседнику где-то в сонной глубине комнаты: — Важнейшее — атмосфера. Мои работы требуют сумерек, ручного света, звука, который раздается не из колонок, а будто из самой стены. Я хочу, чтобы зритель входил не просто в зал, а в иной слой реальности... и чувствовал не только страх, но и восторг — возврат к чему-то давно забытому, возможно, даже к самому себе.

Он приоткрыл папку и медленно, тщательно достал на стол несколько крупноформатных фотографий своих холстов. Все они были странными: густые мазки, полузатёртые очертания людей и зверей; лица, будто частично стёртые ластиком, среди пыли и тьмы, незавершённые и тревожные панорамы. Ни одна работа не давала покоя взгляду — хотелось задержать дыхание, чтобы вдруг не увидеть в крошечной тени ещё кого-то.

Сарина невольно поёжилась, взгляд её метнулся к самой яркой странице — там под слоями краски что-то угадывалось, словно бы она где-то видела этот контур, но вспомнить не могла.

Ренна перелистывала работы с профессиональным спокойствием, бойко рассуждая про форматы, возможные под-

ходы к подсветке, жесты зала и вопросы безопасности:

— Думаю, нам стоит выделить одну из северных комнат, — предложила она, бросая быстрый взгляд на Сарину, — с отдельной завесой и возможностью регулировки света... Кстати, ваши картины со слоем текстуры — это что, авторская техника? Или результат особого лака?

Кельмар кивнул, но вновь скользил взглядом по Сарине. — Это — нечто большее, чем техника. Всё, что здесь изображено, я выносил сквозь свои страхи и чужие сны. И порой зрителя интересует только поверхность, а вы, — он медленно повернул к ней ладонь, — сможете увидеть чуть глубже.

Призрак снова рычал — еле слышно, зато протяжно. Сарине на минуту показалось, будто тени вокруг Кельмара стали чуть гуще.

Ренна решительно закончила ознакомительную беседу:

— Хорошо, господин Кельмар. Оставьте последние ваши координаты, мы детально изучим портфолио и обсудим детали монтажа. Нам хотелось бы узнать больше — ваши требования к амбиенту, аудиосопровождению, технике экспозиции. День-время для монтажа — решим позже?

Кельмар коротко кивнул, убирая папку, и весь напряжённый воздух в кабинете будто разрядился.

Они с Ренной ещё немного обсуждали технические детали: распределяли обязанности, отмечали, в какие даты лучше проводить монтаж и как пригласить публику. К концу разговора договорились, что выставку Кельмара удастся от-

крыть ближе к концу месяца — времени на подготовку хватит, а галерея успеет привлечь к событию нужное внимание.

Мужчина молча кивнул, скупое поблагодарил за сотрудничество и направился к выходу. Девушки встали, чтобы провести гостя до двери. Призрак встал вместе с ними, в этот раз не выпуская Кельмара из зоны наблюдения ни на миг. Сам воздух, казалось, становился плотнее, словно вокруг застыла тень, невидимая для обычного взгляда.

Уже в дверях Кельмар остановился и обернулся, впившись взглядом в Сарину. На его лице вновь мелькнула ухмылка — на этот раз почти хищная, и в глазах будто сверкнул отблеск чужого, холодного света.

— Я нашёл тебя, — бросил он тихо, с той самой хрипотцой, что с первого раза разъела стену между сном и явью.

Щёлчок пальцев — едва уловимый среди лёгкого гула галереи — и в следующий миг Призрак резко поджал уши, зарычал и жалобно заскулил, будто волна острой, нестерпимой боли прошла сквозь его тело. Сарина в тот миг оцепенела, её ладони похолодели, всё вокруг замедлилось. Время растянулось: всего секунда — но внутри неё это была вечность. На миг весь мир сузился до собачьего крика и ледяного взгляда мужчины.

Кельмар, не оглядываясь, спокойно вышел, закрыл за собой дверь, и всё — враз — стало снова прежним. Призрак тяжело дышал, а потом, словно ничего и не случилось, поднялся и молча улёгся у ног Сарины, уже спокойно, как ни в

чём не бывало. Ренна сбила себя коротким смешком — то ли нервным, то ли пытаясь разогнать остатки жуткой паузы.

Тишина повисла какая-то непривычная, вязкая. Через окно в зал снова ворвался обычный, рабочий шум улицы.

Вечер дома казался бы совершенно обычным, если бы не тень прошедшего дня. Стол был засыпан крошками, пар от горячего супа вился над тарелками, а на подоконнике скучал ночной город с его сонными окнами и редкими машинами.

Ренна пыталась шутливо взбадривать разговор, но в каждом её слове сквозила тревога:

— Ну и тип этот Кельмар. Мне таких ещё не встречалось: глазами будто насквозь тебя прокалывает... И эти картины. Ты заметила, Сарин? Вроде просто мазки, а смотришь — и у меня до сих пор мурашки по коже бегают, будто что-то видится в полутени.

Сарина медленно покручивала вилку в руке, отставив еду в сторону. Она вспомнила и странное ощущение на своей ладони, и зловещую улыбку. Её голос звучал чуть тише обычного:

— Мне кажется, он не только художник, Ренн. Ни одна работа не была похожа на обычные картины. В них — не только краска. Я... будто видела в одной из них саму себя, но не могла объяснить почему.

Призрак до этого момента лежал у её ног, но при упоминании имени Кельмара насторожился, вскинул уши и начал

тихо скулить, будто снова вспоминая ощутимую боль. Его морда нахмурилась, шерсть встала дыбом. Он забился под стол, медленно, будто стараясь скрыться от чего-то невидимого.

Сарина наклонилась к нему, гладила его между лопатками, и только тогда пес, затаившись, утих и перестал дрожать.

К ночи комната будто немного выровнялась; Ренна привычно копалась в документах, а Сарина забиралась под плед с книгой, но почти не читала: мысли сбивались, качались от воспоминаний о сне к образу художника.

Перед тем как лечь спать, она решила, глядя в окно:

— Завтра я хочу поехать к Ярду, — тихо произнесла она, не оборачиваясь к Ренне. — Я должна его увидеть. Просто должна.

Ренна, не глядя, вздохнула тяжело:

— Я не запрещаю, ты сама знаешь... Но утром посмотрим по твоему состоянию, хорошо? И я поеду с тобой, никаких споров.

За дверью зала Призрак тревожно вздохнул, ещё не желая засыпать — будто понимал, что ночь принесёт новые сны.

Глава 8

Сон не шел к Призраку этой ночью. Он лежал у дверей, вытянув лапы, и прислушивался к каждому движению в квартире. Где-то за тонкой стеной негромко ворочалась Ренна, а с другого конца комнаты Сарина неровно дышала, что-то бормоча во сне — обрывки незнакомых слов, похожих то на призыв, то на отчаяние. На каждое её шептание Призрак чуть вздрагивал, поднимая голову, прислушиваясь, как будто её сны могли прорваться наружу, наполнив комнату тревогой.

И вот вдруг в этой ночной тишине, напозшей на город, раздался тихий, цепкий голос — не извне, но у него внутри, так, как это случалось и раньше. Тон был вкрадчивым, сдержанно-насмешливым, словно хозяин голоса забавлялся, держа власть над невидимой нитью.

— Ты ещё веришь, что свободен? — голос шептал прямо в разум, минуя уши, минуя стены. — Ты не выполнил своё предназначение, пес. Ты слишком долго позволяешь себе роскошь жалости. Мы не оставим тебя просто так...

В следующее мгновение Призрак ощутил давно забытое: на его шее словно бы сомкнулась тяжелая, ржавая цепь — тугая, увесистая, холодная до ломоты. Она жгла кожу, оставляя невидимые кровавые следы, лишая воздуха. Он попытался сдёрнуть её лапой, но лапа прошла сквозь собственную

плоть, и цепь только сжалась крепче.

Всё его тело напряглось, дыхание стало неровным, из гор-
тани вырвался едва слышный всхлип. Ему показалось — ес-
ли сейчас он издаст хотя бы звук, разбудит девушек, приве-
дёт беду в этот дом. Но страх и стыд смешались в нём, сквозь
боль проносилось только одно: "Не подведи сейчас, не под-
веди её..."

Голос утих так же внезапно, как начался. Остаток ночи
Призрак пролежал без сна, чувствуя фантомную боль кольца
на своей шее и тяжесть зловещего обещания в своей душе.
Где-то за стеной всё так же порой ворочалась во сне Сарина,
— и он сторожил её сон, даже если не мог больше верить,
что сам когда-нибудь проснётся по-настоящему свободным.

Высокий корпус лечебницы нависал над ними, будто чу-
жая, отдалённая планета, где всё — даже воздух — каза-
лось расстроенным и немым. Асфальт перед входом был вы-
грызен следами времени, по облупленным ступеням снова-
ли медсёстры и редкие посетители. Ренна строго поправила
Сарине воротник, стараясь скрыть тревогу за нарочитой су-
етой.

— Я подожду тебя в машине, — сказала она тихо. — Толь-
ко если что, звони или махни из окна, ладно? В таких местах
я никогда не чувствовала себя уютно...

Когда тяжёлая дверь с лязгом закрылась за её спиной, Са-
рину почти сразу встретила сухая, будто вынюхивающая всё

чужое, санитарка. Кивнув без улыбки, жестом велела идти за собой. Коридоры растянулись узкой, пастозной ленточкой: жёлтые, как жалкое воспоминание о свете, стены были истерты локтями и пятнами, лестницы изнашивались от шороха чужих шагов.

Воздух здесь был тяжёлым, влажным, он пах хлоркой и чем-то ещё, старым, застоявшимся. Иногда из-за тяжелых обитых дверей раздавались странные звуки: негромкое пение, всхлипы, тихие, безнадёжные разговоры вперемешку с урывистыми, леденящими душу воплями. В одной из комнат кто-то вдруг яростно забарабанил в дверь, срываясь на звонкую истерику, и Сарина вздрогнула всей кожей, ускоряя шаг за санитаркой.

Каждая клетка этого здания дышала не отчаянием даже, а чем-то сломанным, незаживающим. Всё вокруг вызывало противное, цепкое ощущение: здесь время не шло, а застревало в каждом шаге, каждом взгляде скосившихся стен.

С санитаркой они свернули на третий коридор. Где-то из глубины слышались удары по стене и приглушённые стоны. Наконец женщина остановилась, повернулась к Сарине и коротко кивнула на массивную дверь с глазком, заляпанным внутри.

— Ваш. Пять минут, — сухо бросила и, не взглянув больше, отошла к посту.

Сарина глубоко вдохнула, пыталась собраться, сжала руки в замок, чтобы не дрожали. Мир сузился до этой двери, за

которой был тот, кого она хоть и боялась теперь встретить, но не могла не увидеть.

Дверь открылась с тяжелым скрипом, и полумрак палаты ощутимо пахнул затхлым воздухом, в котором смешались слабый запах лекарств, сырости и чего-то ещё — пережитого, забытого, чужого. Маленькая комната казалась условной: железная кровать, аккуратно застеленная тонким покрывалом, тёмный шкафчик, убогий столик с неразборчивыми царапинами.

Ярд сидел у окна, сутулый, с руками на коленях. Его лицо выглядело постаревшим, черты стали резче, будто кто-то невидимый вырезал их из камня. Волосы чуть отросли, скулы заострились, под глазами залегли тени. Губы иногда дрожали, словно он то ли разговаривал сам с собой, то ли с каким-то призраком в углу. Веки подрагивали: он едва ли моргал, глядя куда-то за замутнённое стекло.

Сарина замерла на пороге, всё внутреннее сжалось в ней от нелепого, почти детского страха. Она знала, что увидит перемены, но невозможность признать в этом человеке прежнего мужа страшила пуще всего.

Он не заметил её сразу: так долго понадобилось звуку открывающейся двери, чтобы пробраться сквозь туман его сознания, заторможенного лекарствами. Плечи его слегка ссутулились, руки вдруг неуверенно вздрогнули — но спустя несколько секунд он медленно повернул голову в её сторону.

В его взгляде долго не было ничего, кроме равнодушной

пустоты, но потом, когда глаза остановились на ней, что-то в них дрогнуло. В мутной глубине проступила тень узнавшей боли, ускользающая искорка узнавания. Губы его дёрнулись — не в улыбке, не в слове, а едва заметным жестом, которым крепляют воспоминание и надежду.

На миг Сарине показалось, что прямо под поверхностью чужой апатии пробилося и удержалось для неё что-то настоящее: как будто он узнаёт её и в этом, скорбном, тусклом мире.

Сердце Сарины сжалось от яркой, внезапной жалости — но эта жалость была странна, горька, будто в ней плескалась и боль за прошедшее, и усталость, и горькая память о тех годах, когда этот человек, сидящий сейчас в углу как тень, толкал её всё ниже, ломал, унижал и медленно, мучительно гасил её свет.

Она осторожно опустилась на стул напротив Ярда, движения её были максимально тихими — как будто любое резкое движение могло рассыпать всю иллюзию человечности, которая ещё оставалась в нём. Она хотела протянуть к нему руку, привычно найти его ладонь или хотя бы коснуться локтя. Но едва её пальцы дрогнули, она отдернула их — будто почувствовала почти физическую опасность от собственной жалости, от давних привычек.

Она всматривалась в него, стараясь зацепиться за тот тусклый отблеск узнавания, который налетал и гас у него в глазах. И тут в глубине этого взгляда вдруг хлестнула другая

искра — не боли, не памяти, а яркой, мутной ненависти. На какой-то миг ей показалось, что в эти глаза глядит не просто человек, а зверь, которого загнали в угол пустыми стенами и уколами, но он помнит свою силу, злость и власть.

Сарине стало страшно: если бы не лекарственная вата, сковывающая движения Ярда, если бы не объём ядовитого холода, который ему вгоняли в жилы, он бы, наверное... Она даже не могла до конца договорить мысль — жуткая догадка сама царапала изнутри. Он бы бросился на неё: не с криком, не со слезами — а с яростью, с той беспощадной потребностью стереть её с лица этого мира, подчинить, уничтожить, чтобы не осталось ничего её, ничего живого.

Вся прежняя нежность и всё прощение, которое она хотела бы найти внутри себя — в этот миг разбились о твёрдое, ледяное отражение в его глазах. В воздухе между ними повисла глухая, почти нечеловеческая вражда — невидимая, но осязаемая, сильнее любых слов и воспоминаний.

В Сарине, у самой границы этой безвоздушной комнаты, вдруг вспыхнуло неожиданное, незнакомое ей чувство. Вместо сожаления или страха внутри разлилось острое, почти сладостное отвращение. Она с внезапной холодной злорадностью подумала: так вот оно, воздаяние. Каждому — по его делам.

Она приблизилась к Ярду, не чувствуя более ни капли тревоги. Наоборот, внутри будто что-то распрямилось и встало за спиной, как невидимая броня — хрупкая, но крепкая, так

что ничто в этом мире уже не могло ранить её, не могло пробить этот новый, чужой щит. Она остановилась всего в паре шагов, наклонилась, чтобы глаза мужа оказались почти на уровне её взгляда.

— Всё кончено, — шепнула Сарина негромко, но так, чтобы каждый слог впился в тишину комнаты. — Ты теперь — никто.

В этот миг ей показалось, что её губы произносят слова не по её воле, будто внутри поселился другой голос, холодный и сильный, чужой, но несильный. И в её глазах промелькнула вспышка пылающей ненависти, вырвавшейся из самых тёмных глубин сознания — как огонь, которому, наконец, разрешили гореть.

Ярд, сначала оцепеневший, вдруг дёрнул плечом, в его глазах мелькнул страх — впервые за все годы, что она знала этого человека, ей казалось, что именно она могла внушить ему ужас одним только взглядом.

Не оглядываясь, не позволяя даже прикоснуться к былым сомнениям, Сарина резко выпрямилась, коротко вдохнула спёртый воздух больничного коридора, развернулась и вышла из палаты. Каждая её нота шагов звучала как утверждение: теперь всё по-другому. Она больше не несла с собой этот невыносимый груз, не утаивала за плечами тяжесть вины, страха, унижений.

Она шла по коридору, качаясь на странно лёгкой волне новой пустоты — в ней что-то кончилось, а что-то другое

только начинало просыпаться.

Ренна ждала в машине, привычно разглядывая мелькание людей за стеклом и заедаая тревогу жёсткой жвачкой, когда наконец увидела Сарину. Та шла быстрой, лёгкой походкой, будто и не в лечебнице была всё это время, а вышла из какого-то другого, более светлого мира. Дверца хлопнула, Сарина опустилась на сиденье, глубоко вдохнула, и по ней сразу было видно: случилось нечто важное.

Ренна пристально посмотрела на подругу, отметив, как изменилась её осанка, как новые, отточенные движения придавали ей непривычную силу. В её взгляде читалась не только свобода, но и нечто новое — плотная, сконцентрированная уверенность, которой прежде так не хватало.

— Ну как? — осторожно спросила Ренна, выводя машину со стоянки.

Сарина медлила, будто прислушивалась к чему-то внутри себя, а потом тихо, ровно сказала: — Он теперь действительно никто. И всё, что было, осталось там... Я думала, что почувствую жалость, стыд или страх. А чувствую только... странную ясность. Словно изнутри вынули шип, который жил во мне годами.

Ренна бросила на неё быстрый, внимательный взгляд, словно пыталась разглядеть среди знакомых черт что-то совсем новое, чужое.

— Ты и вправду другая, — выдохнула она, не скрывая

восхищения и лёгкой зависти. — Ты будто после пожара: всё лишнее сгорело, а осталась только ты — настоящая. Даже, прости, говорить стала иначе.

Сарина улыбнулась уголком рта, взгляд её был спокоен и упрям.

— Я просто... наконец разрешила себе жить. Вот так. Без спроса и прощения.

Машина тронулась с места; за окном поплыли унылые улочки, а в салоне повисла чистая, почти праздничная тишина. Ренна чувствовала кожей: теперь Сарина не просто вернулась — она принесла с собой нечто глубокое, неразрушимое, новое.

— Дома выпьем за это твоё прозрение, — негромко предложила Ренна, — если дальше так пойдёт, скоро и галерея станет совсем другой.

Сарина только коротко кивнула — и в следующий миг в её лице снова мелькнул лёгкий, идущий изнутри огонь: Больше ни прошлое, ни чужая ярость не имели над ней власти.

В эту ночь Сарина погрузилась в сон так быстро, что сама удивилась: ни тени тревоги, ни мучительных мыслей, только сладкая усталость, будто выжгла все остатки её сил встреча с прошлым и терпкое вино за ужином. Лежа в полутемной спальне, она ощущала как что-то — то ли воспоминание, то ли сама темнота — подступает мягкими, бархатными волнами. Было тепло, уютно и тягуче, словно весь мир затаился

ради её покоя.

Она повернулась на бок, ещё не успев осознать, что сон уже окутывает её, как вдруг распознала это особое, не пугающее приближение: знакомый туман, едва уловимый призыв с другой стороны сна. Сарина не боролась, наоборот — в последний осознанный миг она загадочно улыбнулась, распахнула душу тому, что обещал ей иной мир. Не осталось страхов и сопротивления, не осталось сожалений. Она жадно, страстно ждала этой встречи, как желают невысказанного, но сулящего наслаждение.

Границы реальности растворялись, привычное исчезало, уступая место желанному и новому. И как только сознание окончательно оставило её в покое, Сарина без остатка отдалась ночному туману, приветствуя его не как угрозу, а как долгожданного возлюбленного. Всею сутью, всем телом — она впитывала грядущую близость.

Где-то в глубине другого мира уже затеплился свет её тайного желания.

Снова — та же комната. Серебристый, почти неестественный свет луны скользит по стенам, по большим длинным теням от мебели. Здесь царит нерушимое спокойствие, эта густая тишина, в которой каждый звук — событие, каждый вдох — откровение. Ткань тяжелых штор едва колышется в невидимом сквозняке, но сегодня кроме нее никого в этой комнате нет.

Сарина ощущает ровную пульсацию света, идёт к окну, минуя дивно знакомый силуэт кровати и графитовые разводы по паркету. Осторожно, будто боясь разрушить хрупкое чудо, она приподнимает тяжёлую штору двумя пальцами. У самого её лица — холодная лунная завеса, полная особого мятежа.

Глубоко в груди — щемящее предвкушение. Не страх, не шёпот опасности, а восторг перед неизмеримым, беззвучным величием. За стеклом — другой, мучительно прекрасный мир: башни и шпили взлетают в самые облака, их острия растворяются в туманах небесной ночи. Окно выходит прямо над чёрной, бездонной пропастью, и эта бездна внизу не отпугивает, а притягивает своей первородной мощью.

Сарина замирает, жадно вглядываясь в эту фантаσμαгорическую панораму. Сердце её бешено колотится, но в этот раз оно не сжато страхом — наоборот, каждое движение крови внутри неё удивительно сладко, остро. Она прижимает ладони к груди, словно пытаясь остановить этот сумасшедший бег жизни, и улыбается — впервые за многие ночи совершенно искренне, чисто, с восхищением.

Сейчас, в этом безбрежном чужом мире под тяжким куполом небес, дыхание её становится глубже, сильнее, сердце рвётся сдерживать дрожь восторга. Она будто чувствует: ничто не держит её в этой комнате, ничто не способно удержать внутри — стоит сделать шаг, и она станет частью этого пьянящего пространства, этой опасной и прекрасной ночи.

И даже в отсутствие своего тайного возлюбленного она ощущает — что-то незримое рядом. Что-то великое и страшное, что когда-то принадлежало ей самой и сейчас вот-вот вернётся.

Сарина так увлеклась созерцанием чужого мира за стеклом, что совершенно не заметила, как изменилась атмосфера за её спиной. Воздух вдруг стал плотнее, острее, будто наполнился невидимыми искрами, но она была слишком захвачена хмельной, странной красотой — башнями, бездной, мерцающими огнями на вершинах шпилей.

Её мысли оборвал тихий, глубокий, до странности родной голос. Голос был совсем рядом, будто одновременно и за плечом, и внутри её головы. Сердце тут же ухнуло куда-то вниз, раскрывшись навстречу предчувствию — сильному, пронизывающему, почти тревожному удовольствию.

— Ну как тебе вид из окна? — спросил он, голос лёгкий, словно тень, но в каждом слове пряталась неуловимая сила.

Она не стала скрывать ничего: с этой тенью, с этим мужчиной, к которому была, казалось, давно без остатка привязана, не было смысла лгать — да и не хотелось, ни капли.

— Он прекрасен, — глухо, но уверенно ответила она. — Такой мир хочется разделить... хотя бы на один короткий миг. С этими словами она повернулась к нему лицом, не в силах больше оставаться спиной — слишком остро хотелось видеть его, ощущать его рядом не только по звуку и дыханию, но и в движениях, взгляде, неуловимых подробностях

присутствия.

Когда её глаза нашли его — тень, силуэт, мягко вылепленный все тем же лунным светом, — мир снаружи мгновенно сжался до этих нескольких шагов между ними. В каждом изгибе его фигуры, в странной плавности движений угадывалось что-то недоступное, почти потустороннее, но в то же время — уже знакомое до дрожи.

Ожидание, затаённая страсть и едва слышимый вызов колыхнулись в воздухе между ними, предвкушая продолжение.

Сарина сама, не раздумывая, сделала шаг навстречу мужчине. Его силуэт стал чётче, реальнее, будто именно этот шаг позволил ему материализоваться здесь, в комнате, где всё — даже свет — подчинялось их влечению. Она увидела чёрные волосы, легкую тень на щеках, тонкую насмешку в уголках губ — и в тот же миг он нежно, почти невесомо, коснулся её губ, будто обещая что-то большее, что-то за пределами сна.

Сердце у неё сжалось в сладкой тоске, но поцелуй длился всего миг — мужчина сразу же отстранился, и наплывшая в её душу пустота была непереносимо острой. Она не смогла сдержать тихого, разочарованного вздоха.

Он посмотрел на неё внимательно, с той самой мягкой, внимательной улыбкой, в которой было гораздо больше, чем обещание близости. Мужчина протянул ей руку, и пальцы его были удивительно тёплыми, будто в них текла настоящая лава.

— Прости, — прошептал он. — У нас очень мало вре-

мени, Сарина. Я должен тебе кое-что показать. Доверишься мне?

В его голосе скользнуло что-то неуловимо властное, призывное — зов, перед которым нельзя было и не хотелось сопротивляться. Она вложила ладонь в его, ощущая, как тепло в его пальцах будто ширится и отзывается в её груди.

Сцена словно бы подстраивалась под их шаги — стены начали медленно растворяться, свет луны превратился в мерцающую дорожку, ведущую напрямик в незнакомую, затаённую глубину другого мира.

Мир вокруг них начал меняться, подчиняясь какой-то невидимой воле. Всё, что осталось прежним, — это их сцепленные руки и ощущение, что эта ночь может стать началом чего-то необратимого.

Туман, будто живой, расползся по комнате, заполнил каждую щель, плотным покровом закрывая свет луны. На короткое мгновение всё исчезло: ни окон, ни стен, ни даже собственной тени за спиной. Потом, в один внезапный рывок, мир разом преобразился — и Сарина с мужчиной стояли уже в другом месте.

Перед ней раскинулся огромный зал, чей масштаб сперва даже невозможно было вообразить. Потолки терялись где-то в полумраке под самым куполом, так высоко, что взгляд невольно лез вверх и замирал от головокружения. Плавные, утончённые арки поднимались к невидимым сводам, а пол из

темного камня был отполирован до зыбкого, лунного блеска, в котором — как в зеркале — отражались величественные колонны.

Тишину размывали только едва слышные эхо шагов и приглушённый шелест вечности.

Зал был похож и на бальный, и на музейный одновременно: по стенам друг за другом тянулись портреты, так много, что их лица сливались, сбегая в темноту. На полотнах — мужчины, женщины, дети разных эпох, все в богатых одеждах, с выражением достоинства и тайного превосходства. Их глаза, полные судьбоносных тайн, смотрели то прямо, то исподлбья, и казалось, что подвижный лунный свет заставляет их едва заметно следить за каждым движением в зале.

Многие изображения были столь древними, что краска поблекла, а холсты потрескались, сохраняя только призрачные очертания гордых лиц. Другие — яркие, почти современные, юноши в строгих костюмах и женщины в изысканных платьях, с холодно-острыми глазами, как у хищниц.

Между портретами толстые золотые таблички с фамилиями и датами, неразборчивые гербы, намёки на родословные, уходящие куда-то вглубь веков. Воздух был насыщен ощущением чужой славы и вечного дозора: здесь словно хранилась память о каждом взгляде, о каждом шаге любого, кто когда-то имел отношение к этим фамилиям.

Рассеянный свет скользил по богатым карнизам, по безмолвным лицам предков и потомков, — зал дышал величи-

ем и вместе с тем вызывал тревожное чувство — будто сама история здесь не умерла, а ждёт своего часа.

Сарина с изумлением всматривалась в череду лиц, пытаясь в глубинах памяти узнать хоть кого-то. Её спутник сжигал каждый её взгляд, каждое движение — невидимая связь между ними становилась всё туже.

Сердце у неё забилося чаще. Она не знала, открывает ли для себя что-то забытое, или только начинает читать чужое прошлое — но ощущение чуда теперь переплеталось с тревожной догадкой: это была не просто галерея, а зал судебных, где каждая тень на стене жива и всё ещё спросит свой долг.

Мужчина крепко держал её за руку, ведя через бесконечный зал к самой дальней стене, где в полумраке будто прятался от чужих глаз большой, массивный портрет. Сарина всматривалась сквозь полутень, с каждым шагом чувствуя, как странная дрожь пробегает по её коже: черты лица на портрете казались знакомыми, но воспоминания ускользали — было что-то важное, неуловимое, тёплое и опасное одновременно.

Она прищурилась, позволяя глазам привыкнуть к пересечённому отражением света полотну, и в следующую секунду ощутила, как сердце снова начинает стучать слишком быстро. На портрете был Кельмар — тот самый мужчина, недавно появившийся в их жизни с Ренной, принёсший странные, зловещие картины и тревожный холод в галерею. Его взгляд с холста был пронизывающим, будто живым, а поза — ис-

полненной неподвижной угрозы.

Прежде чем она успела что-либо сказать, сзади у самого уха раздался низкий голос — знакомый и чуть насмешливый, разливающийся горячим дыханием по коже шеи.

— Ты узнаёшь его? — спросил мужчина. Его дыхание щекотало ей затылок, и от этого крошечного прикосновения голова у Сарины закружилась сильнее, чем от крепкого алкоголя.

Сарина коротко кивнула, даже не пытаясь отвести взгляд. Она не находила удивления в том, что видит здесь Кельмара — в этом мире чудес, страхов и тайн всё соединялось странной, неизвестной ей логикой. В этот момент для неё важнее было не лицо на портрете, а то, кто стоял за её спиной, чей голос проникал глубже любого воспоминания, кого она жадно ловила всей собой, будто была создана только для того, чтобы чувствовать его близость.

Близость мужчины — здесь, в мире сна, среди сонма портретов и затерянных судеб — казалась ей обжигающе реальной, вырывающей её из долгих месяцев страха, боли и одиночества.

Она с трудом собралась, чтобы говорить — голос прозвучал почти шёпотом:

— Да. Я знаю, кто он...

Всё остальное растворилось в ожидании того, что совершится дальше — что покажет ей мужчина, для чего привёл именно к этому портрету, какой ещё секрет готов открыть

этой ночью.

Мужчина за её спиной не спешил отступать, его присутствие становилось всё интенсивнее, почти материальным, как будто он втягивал её в свой собственный ритм дыхания. На какой-то миг его губы коснулись самой границы её уха, и от этого касания Сарина ощутила, как весь зал будто бы склонился ближе, замер в напряжённом ожидании.

Он заговорил негромко, но слова его звучали во тьме с точностью заклęcia:

— Этот человек ещё придёт к тебе. Он принесёт свои картины — для выставки. Среди них будет та, одна-единственная, которую нужно найти. Ты поймёшь, когда увидишь её — не ошибёшься, ты почувствуешь это кожей, сердцем, самой глубиной.

Пауза, короткое приближение, его дыхание приобрело какой-то хищный, будоражащий ритм.

— Ты должна будешь уничтожить её, Сарина. Только ты — и только огнём. Сожги эту картину. Не позволяй ей остаться в этом мире. И, когда настанет время, не медли, не сомневайся.

Она стояла, всё ещё впившись взглядом в портрет Кельмара, но сейчас ей казалось, что за ним, в каждой тени, прячется нечто большее, загадочное, опасное. Слова мужчины отзывались в ней тревогой и странным ликованием — впервые за долгое время она ощущала, что часть решения, её собственная воля могут разорвать старые цепи.

Она могла бы испугаться, но сейчас страх растворился, уступая место новому чувству — ощущению тайной ответственности и судорожного, пронзительного нетерпения. Её поручили исполнить нечто важное, почти невозможное. И, как бы ни был странен приказ, Сарина знала: она выполнит его во что бы то ни стало.

Мужчина коснулся её плеча, нежно, будто благословляя на неминуемое.

Он мягко, но настойчиво развернул Сарину лицом к себе. Его взгляд был полон той самой силы и тайны, которой наполнены только самые значимые сны и самые жгучие желания. Его ладони легли на её плечи, горячие, уверенные, и Сарина встретила с ним глазами — теперь не было ни страха, ни сомнений, только пронизывающий до костей трепет.

Он наклонился ближе, их губы встретились в поцелуе — долгом, тёплом, болезненно желанном. Поцелуй был прощанием и обещанием одновременно, в нём скользило нечто безвозвратное и необходимое.

Когда их губы разомкнулись, мужчина провёл пальцами по линии её щеки и сказал так нежно, что каждое слово осталось на коже дрожащей искрой:

— Проснись, Сарина. Они там — ждут.

Вокруг стало светлеть, лунный зал и тени портретов отступали, пропадали в первых отблесках утра, а дыхание мужчины ещё долго звенело у неё в ушах, пока сознание медленно возвращалось к реальности.

Глава 9

Дни проносились один за другим, как плоские, безликие тени, сливаясь в однообразный поток суеты перед выставкой. Сарина жила в странной двойственности — с одной стороны, всё происходящее казалось обычным: череда звонков от критиков, последние приготовления в галерее, контроль за развеской работ. С другой — где-то под кожей, в неотомлённой глубине, жила тревожная уверенность, что совсем скоро случится нечто жутко важное, уже предрешённое.

Она перечитывала письма от Кельмара, просматривала фотографии работ, скинутых им в мессенджер. Мазки были резки, цвета — болезненно яркие, образы тошнотворно живые. Ни одна из картин не соответствовала тому ощущению, что терзало её после сна. На снимках — только тряские силуэты, расплескавшиеся лица, распятые ангелы, дымящиеся двери. Не было самой сцены, той, которую ей велели найти.

Сарина поймала себя на странной спокойной уверенности: что бы ни виделось со стороны, какой бы нелепой ни казалась её одержимость — тот сон был не просто отблеском больного воображения. Это была истина, попытка самого мира донести до неё ключевой, спасающий или губящий знак. Она помнила прикосновение мужчины, ощущала в груди отголосок его приказа, видела в сумрачной памяти цепи.

Она не пыталась спорить с чем-то в себе, не искала логи-

ческих объяснений: знала, — картина существует, она проявится только когда это станет по-настоящему необходимо. Всё, что требовалось от неё, — быть готовой увидеть и не отвернуться в решающий момент.

И в этом ожидании утро выставки наступило особенно глухо и остро: будто бы каждая секунда приближала Сарину к тому, ради чего, возможно, и был соткан весь этот мир — её сонная жизнь, галерея, встречи, боль, страх и тот жар, который теперь жил в её груди вместо прежнего страха.

Сарина проснулась рано, и в окне было ещё серо: город только начинал оживать, но в галерее кипела скрытая, нервная суэта. Утро пронеслось сквозь руки — последние инструкции сотрудникам, проверка света, развеска, расстановка угощений. Каждый звук отдавался в голове гулом: ей казалось, будто воздух стал жиже, а время — гуще.

Ренна, несмотря на ночную бессонницу и явную усталость, была безукоризненно собрана. В ярко-красном пиджаке, с безупречно уложенными волосами, она скользила по залу, как хозяйка бала. Её голос звучал твёрдо и уверенно: ни одной детали не выпадало из-под её контроля. Никто, кроме Сарины, не видел лёгкой дрожи в пальцах подруги — но и она почувствовала, как присутствие Ренны наполняет всё помещение новым, праздничным ритмом.

Как всегда это бывало на выставках под её руководством, публика шла валом. Казалось, что даже если бы экспозиция состояла из перевёрнутых пустых рам, Ренна всё равно су-

мела бы устроить аншлаг. Кто-то из постоянных критиков в шутку говорила: «Если Ренна за дело возьмётся, даже портрет мёртвой мухи вызовет ажиотаж».

В углу щебетали приглашённые художники и галеристы: кто-то держал бокал, кто-то сыпал фразами, кто-то притворно скучал — но в этом шуме было то неуловимое ощущение успеха, которому Ренна умела придавать нужный блеск. Она не просто управляла потоком гостей, она превращала этот поток в реку восхищения, способную смыть даже самую неловкую неудачу.

Сарина двигалась по залу, словно под водой, вслушиваясь в свои ощущения. Картины Кельмара висели у дальней стены, как и договаривались: работы тёмные, беспокойные, пронзительно чужие. Её взгляд то и дело возвращался к ним, но среди знакомых сюжетов не было ещё той, которую она ждала. Зато сам Кельмар уже был на месте.

Он держался особо — не навязчиво, но под кожей скользила холодная брезгливость. Сарина чувствовала: приближается тот самый момент, когда нечто незримое проявит себя — и от неё потребуются всё, на что она теперь способна.

Кельмар обнаружил Сарину, когда та отошла от гостей к стенду с каталогами. Его появление было таким же внезапным, как ранняя гроза: из пустоты, с еле заметной, колкой улыбкой. Он держал в руках бокал, но едва притрагивался к вину, а взгляд его был обезоруживающе прямым — и холодным.

— Знаю, вы не любите большие скопления людей, — произнёс он тихо, даже доверительно, подходя ближе, чем позволяла неформальная вежливость. — Такая публика редко всматривается в суть, не так ли?

Сарина чувствовала, как от его голоса по спине пробегает лёгкая дрожь — не столько от слов, сколько от самой сути Кельмара, будто от него веяло странной тихой угрозой. Она старалась держать спину прямо, скрывая напряжение.

— Публика приходит за впечатлениями, а их у ваших работ предостаточно, — ответила Сарина, пристально глядя на него. — Уверена, что сегодня вы не останетесь без внимания.

Кельмар чуть склонил голову, будто принимая вызов.

— Внимание — не то, чего я ищу, — произнёс он задумчиво. — Иногда искусство — только путь. Порой оно как старое зеркало: не отражает, а провоцирует. Разрушает. Открывает то, что хотелось бы забыть.

Он внимательно всматривался в Сарину, изучая её реакцию, будто ожидая чего-то большего, чем обычная беседа «куратор — художник».

— Вы ожидаете чего-то определенного от этой выставки? — спросил он, задержав взгляд чуть дольше, чем следовало.

Сарина почувствовала, что в этом вопросе спрятан второй смысл. В самой глубине его глаз мелькнуло что-то тёмное: ощущение, будто эта встреча, как и весь сегодняшний день, — всего лишь прелюдия к чему-то большему.

— Я ожидаю перемен, — ответила она честно. — Иногда

достаточно одной детали, чтобы раз и навсегда изменить всё вокруг.

В этот момент мимо них прошла Ренна, бросив на Кельмара оценивающий взгляд. Он чуть улыбнулся и, уже отходя, негромко произнёс:

— Настоящая перемена всегда начинается с огня, Сарина.

Он растворился в толпе, а у Сарины на губах осталась едва уловимая дрожь: то ли от тревоги, то ли от предчувствия близкой развязки.

Пёс, которому при Ренне и Сарине обычно позволялось больше, сегодня был при деле: его устроили у самых стеклянных дверей галереи, где он почтительно и сдержанно встречал гостей. По замыслу Ренны, это добавляло атмосферы и немного домашнего уюта, транслируя остальному миру, что здесь царят забота и общность. Большинство гостей при входе улыбались, иногда даже наклонялись, чтобы потрепать за ухом это молчаливое доброе существо.

Однако Призрак сегодня явно не разделял человеческий праздник. Он даже не смотрел на проходящих. Весь его облик был направлен к залу, к тому месту, в котором держался Кельмар. Голова чуть опущена, шерсть на холке — настороженно вздыблена, а в глазах жила напряжённая, недобрая настороженность. Каждый раз, когда художник появлялся в зоне его зрения, пёс невольно поднимался чуть выше, лапы впивались в пол, взгляд выжидал, как у зверя в логове.

Однако ни одна команда и ни одно слово сегодня не имело бы силы заставить его ступить с места: Сарина ещё утром, под одобрителный взгляд Ренны, строго приказала ему сидеть у порога, не сдвигаться ни при каких обстоятельствах, чтобы «приветствовать» гостей. Их намерения были добрыми — уберечь Призрака от лишнего шума и суеты, да и занять ролью, в которой он всегда смотрелся статным и надёжным.

Призрак слышал всё, чувствовал каждую интонацию хозяйки, и хоть его нутро рвалось сорваться с цепи привычки, приблизиться, предостеречь, если потребуется, — приказ для него был нерушим. Он продолжал сидеть у входа, сдерживая свой беспокойный нрав, но каждая мышца его тела вибрировала от напряжения.

Время тянулось для него иначе, чем для людей внутри. И только он — в противовес галерейной суете и приветствиям — чутко чувствовал тяжёлое, зыбкое предчувствие беды, кружащее где-то у самых стен.

Толпа постепенно редела — вечер приближался к финалу, и суета зала сменялась мягким, торжественным гулом последних тёплых разговоров. Ренна буквально парила над публикой: смеялась, принимала поздравления, ловила на лету благодарности и комплименты от критиков, будто собирала урожай за долгий, тяжёлый сезон. К гостям тянуло её обаяние и лёгкость; галерея дышала новым успехом.

Сарина, наоборот, в какой-то момент оказалась в тени этого торжества. Ощущение праздника её не трогало — до самого нутра проникала напряжённость, которая сегодня лишь росла с каждым часом. Она медленно шла вдоль стен, вглядываясь в лица и мазки на холстах, будто выискивала нечто неуловимое, то, что ускользнуло от неё ранее.

И вдруг, почти у самой дальней стены, среди работ Кельмара, её взгляд остановился — так резко, будто что-то невидимое держало её за плечо. На полотне, которое она почему-то не заметила ни утром, ни во время монтажа, ни на многочисленных фотографиях, был изображён огромный белый пёс. Его мощная фигура занимала почти всё полотно, а глаза светились мучительным, жёлтым, почти человеческим страхом и гневом.

Пёс стоял на толстой металлической цепи — именно та цепь, которую Сарина видела в обморочном тумане после удара головой. Вокруг него клубился мрак, какой-то болезненно густой, с намёком на пламя где-то в глубине. Картина была такая живая, что, казалось, вот-вот сорвётся с гвоздя, и зверь выпрыгнет ей навстречу.

Сарина чувствовала, как к горлу подступает холодная волна: то ли страх, то ли внезапное узнавание. Она сделала шаг ближе, и по спине пробежала дрожь — было ощущение, будто весь мир затаился вокруг неё, кто-то в темноте наблюдает за каждым её движением.

Именно в этот миг она поняла: это и есть та самая карти-

на. Сон не был просто сном. Слова мужчины были не предупреждением — приказом. Сожги её. Не позволяй остаться.

В этот момент позади раздался тихий хрип — как короткий, тревожный вздох. Призрак, забыв о запрете, наконец сумел приблизиться к ней, его глаза вцепились в изображение на холсте, а шерсть на загривке встала дыбом.

Всё совпало. Дальше осталась только ночь и неотложное дело, ради которого пришёл её сон.

Сарина действовала быстро и почти бездумно — будто двигалась по следу невидимой нити, и каждый шаг вытягивал эту нить всё туже. Шум выставки остался за её спиной, растворился в электрическом гуле света и голосов. Без малейшего промедления она сняла картину с гвоздя, прижала полотно к груди, почти не ощущая его тяжести, и вышла, прячась за спинами гостей, к служебной двери. Там, за ней, медленно, почти торжественно зашагал Призрак — неуловимый и внимательный, всегда готовый следовать за ней даже в самое пекло.

Задний двор за галереей был пуст и пахнул сырой штукатуркой, плесенью и кострами осенних листьев. Лунный свет выхватывал острые формы мусорных баков, влажных ящиков и старой, потрескавшейся кладки. Сарина приселена на корточки, осторожно положила картину на асфальт. Призрак подошёл вплотную, сел рядом, положил тяжёлую лапу ей на ногу, будто одобряя её выбор, а глаза его, как два жёлтых

уголька, следили за каждым её движением.

Только тут она поняла — осознание резануло, как холодная вода: у неё нет спичек, ни зажигалки, ничего. Пальцы беспомощно шарили по карманам, по подолу жакета, даже по земле рядом — но всё было напрасно. Пламя, казалось, должно было появиться по мановению воли или желанию — ведь это такой важный, решающий миг! Но реальность оказалась куда равнодушнее, и этот простой, бытовой, почти нелепый недочёт вдруг рассмешил и испугал её одновременно.

Сарина выпрямилась и с раздражением посмотрела на свои руки — пустые, обессиленные. Дрожь прошла по спине, и на секунду в неё закралось сомнение — вдруг это знак, что нельзя продолжать? Или испытание — хватит ли у неё решимости довести задуманное до конца?

Пёс, почувствовав её замешательство, тихо твякнул, ткнулся носом, словно подбадривая: всё ещё возможно, всё под силу. Его жёлтые глаза вспыхнули чуть ярче, и Сарине показалось, что в них, на миг, вспыхнула та самая искра, которую она так ждала.

Вокруг сгущалась влажная тьма, а у её ног лежала картина, замершая в ожидании своей судьбы.

Сарина быстро опустилась рядом с картиной, посмотрела псу в глаза и коротко, почти по-военному, произнесла:

— Охраняй.

Призрак понял приказ сразу — сел, заслонив полотно со-

бой, и зарычал в сторону двора, словно уже чуял подходящую опасность. Сарина скользнула внутрь галереи, двигаясь быстро, ловко, с той грацией, что приходит к человеку в минуты отчаянья. Она знала — нельзя терять ни секунды, нельзя никому объяснять то, что объяснить невозможно.

В буфете царил приглушённый полумрак: в воздухе витал чайный пар и затхлый душок старых снежков. За высоким пыльным самоваром, где редко кто задерживался, Сарина нащупала коробок спичек. Пропылённая, потрёпанная пачка едва скрипнула в её руках. С дрожью она открыла её — в тёмном нутре лежала только одна, последняя спичка. Тонкая, деревянная, хиленькая, как дыхание надежды.

Мгновение она не могла выдохнуть — уж слишком фатальной показалась ей эта находка, точно последнее испытание: будет ли у неё достаточно решимости распорядиться единственным шансом? Внутри всё перевернулось — но она знала: другого выбора ей не оставили, другой спички не будет, другого огня не случится.

Сжав коробок в кулаке, Сарина выскочила обратно во двор. Призрак всё так же грозно сидел у картины, заслоняя её от всякого постороннего глаза. Сарина опустила рядом, ещё раз встретилась взглядом с животным — и теперь не осталось ничего, кроме решимости.

В её руках была последняя спичка. В глазах — страх и надежда. В сердце — приказ, которому она обязана подчиниться.

Руки Сарины дрожали, когда она провела последней спичкой по коробку. Оглушительная тишина двора будто сама следила за каждым её движением; Призрак не отводил глаз от картины, ожидая чего-то неотвратимого.

Пламя зажглось легко, почти радостно — и в тот же миг, едва касаясь угла холста, огонь разросся мгновенно, диким, нереальным языком. Картина словно была соткана не из ткани, а из сухого воздуха, полной боли и ярости, и вспыхнула так, что свет разметал тени по всем углам. В ту же секунду из темноты слышались шаги, распахнулась дверь — и из галереи выскочила Ренна, ошеломлённо замерев на пороге двора.

— Сарина?! Что ты делаешь? — её голос звякнул страхом и недоверием.

За её спиной уже двигался Кельмар, и в световом блики вспыхнула в его руке тонкая металлическая полоска — клинок или обоюдоострый блестящий предмет. Его глаза были холодны, гранитны.

— Ты не понимаешь, что натворила... — процедил он, шагнув ближе, горящий свет от картины плясал на его лице. — Есть вещи, которые нельзя отпускать в огонь!

Пламя на картине гудело всё сильнее, оно росло не вверх — внутрь, будто открывая проход, но жары не было: ото всего происходящего веяло странной, затаённой теплотой. Свет потрясал, буквально лился, затмевая ночь и все слова.

Кельмар рванулся к Сарине и уже занёс блеснувший пред-

мет, но Призрак встал между ними. Глухо прорычав, он отпихнул Сарину к бушующему полотну, не давая ей и шанса устоять. В следующее мгновение пёс прыгнул за ней — прямо в огонь.

В этот миг Ренна, не отдавая отчёта — только своей подруге, только этому мгновению — тянулась к Сарине. Пламя подхватило и её. Однако вопреки всем страхам, боли не было: огонь был мягким, согревающим, внутри него текла непостижимая чистота, и только странная лёгкость кружила между витками света.

Вокруг не было криков, только оглушительная тишина сердца, в которой сплетались надежда, освобождение и прощание со всем прежним.

Глава 10

Сарина медленно приходила в себя, различая в сознании всё новые детали. Позвоночник зябко прилипал к прохладному полу, но тело было странно легким — будто все опасения, страхи, физическая тяжесть остались где-то по ту сторону огня. Остро пахло металлом, камнем и тем свечным воском, который бывает только в местах, где никто не ждёт гостей.

Открывая глаза, она увидела потолок, уходящий в высь, стены, обросшие портретами без времени, и волнистый полумрак, разлитый над паркетом. Пространство было до боли знакомо — именно здесь ей являлся тот мужчина во сне; здесь на тягучих границах между явью и небытием она слышала пророческие слова, здесь всё начиналось. Но теперь не было сонного оцепенения — всё чувствовалось чисто и осязаемо, каждый звук, каждый отблеск света отзывался где-то внутри.

Рядом с ней сидела Ренна. Она осматривалась по сторонам с явным замешательством, терла лоб, в её глазах не было страха, только растерянное удивление и несвойственная ей уязвимость.

— Какого чёрта?! Где мы оказались? — спросила она хрипло. — Это что, какой-то музей?.. Какая-то... галерея предков? Сарина, ты что-нибудь понимаешь?

Сарина не сразу ответила. Она медленно поднялась, взгляд споткнулся о знакомые черты архитектуры, детали потолка, картины, десятки раз мелькавшие в её снах. Сердце судорожно сжалось, но вместе с этим пришло и странное облегчение — наконец она знала, где находится.

— Я... — голос был почти не слышен, — я была здесь... раньше. Во сне. Всё именно так.

Ренна смотрела на неё с недоверием и тревогой, будто ждала, что вот сейчас Сарина начнёт бредить вслух или упадёт обратно в забытьё. Но Сарина, наоборот, чувствовала возбуждение и пугающее просветление: этот зал, эти портреты — они были ключом, их надо было разгадать.

Сарина ещё раз обвела всё взглядом и почти прошептала: — Это место из моих снов, Ренна. Но теперь оно настоящее.

В ответ комната будто заинтересовано задержала на них дыхание, воспринимая это признание как пусковой сигнал — началось нечто новое.

Когда Сарина пришла в себя, первое, что она заметила — Призрака рядом не было. Тепла густой шерсти у её руки, привычного дыхания, ничего. Только Ренна, тоже растерянная, оглядывающаяся по сторонам среди незнакомых стен.

Ренна первой нарушила тишину, её голос был растерян, но цеплялся за логику:

— Где, чёрт возьми, Призрак? Он же был с тобой... С нами?

Сарина в замешательстве провела ладонью по полу рядом — только пустое место, холод камня и отблески света. Сердце больно сжалось — за короткие недели пёс стал для неё чем-то несравненно более важным, чем просто питомец.

Ренна чуть нервно огляделась ещё раз и попыталась рассудить:

— Нет, ты только не волнуйся. Может, его... ну, закинуло как-то по-другому? Это же вообще не понятно где, и даже не понятно, как сюда попали... — она на миг задумалась и посмотрела на Сарину примиряюще. — Мы его обязательно найдём, ясно? Может, он тоже отыщет нас сам.

С этими словами Ренна, чтобы унять волнение, подошла ближе к стене, где тянулись вереницы портретов в массивных рамах. Её страх понемногу начал уступать место искреннему удивлению и даже восхищению.

— Посмотри, какая тут живопись... — с благоговейным восхищением проговорила она, скользя пальцами по резной раме. — Как будто только вчера написано. И лица... каких характеров только нет, все как настоящие. Ты глянь, они будто следят за нами.

Ренна невольно втянула воздух, медленно шагнула вдоль стены, теряясь — теперь уже не в тревоге, а в подлинном интересе к этой странной галерее, полированной временем и волей кого-то невероятно искусного.

Внезапно тишину комнаты разорвал звук торопливых шагов. В следующий миг в зал стремительно ворвался мужчина

— высокий, стройный, но крепко сбитый. Его светлые, почти до плеч волосы улетали назад, лицо было поразительно сосредоточенным, как у того, кто всю жизнь ждал именно этого мгновения. Он двигался быстро, точно и уверенно — и, казалось, видел сейчас только одну фигуру в этом зале.

Ренна сделала полшага в сторону, ошарашенно отступила назад, но мужчина даже не удостоил её взглядом. Прямо, не раздумывая, он подошёл к Сарине, остановился на один отчаянно короткий миг — и решительно заключил её в объятия. Его руки были крепкими, тёплыми, пахли чем-то далеким, напевало родство, спасение, свободу.

Её потрясло: на миг тело поддалось, веря этим крепким объятиям, в которых будто бы была зашифрована долгожданная встреча. Но через мгновение ступор рассеялся — она почувствовала, как страх и недоверие тотчас восторжествовали над смутным узнающим теплом.

— Нет... подожди! — Сарина резко вырвалась, обеими руками оттолкнув мужчину в грудь. Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, дышала часто, с трудом ворочая голосом, в котором перемешались испуг, злость и почти что мольба: — Кто вы? Почему вы... что здесь происходит?

Её сердце колотилось так, будто отбивало сигнал тревоги на всю комнату. Мужчина чуть отступил, его светлые волосы затрепетали в золотом свете. Лицо — ни одной привлекательной мягкости, ни одной маски. Только насущная, по-

что болезненная радость возвращения и горечь утраченной близости.

Мужчина послушно отступил на шаг, его лицо сразу посуровело, но, кажется, в глазах мелькнул знакомый злой огонёк. Он насмешливо склонил голову и с лёгкой язвительностью бросил:

— Странно слышать от тебя такую прохладу. Раньше ты вовсе не отказывалась от моих объятий, Сарина... Более того, если не ошибаюсь, сама искала их.

Сарина мгновенно вспыхнула, щеки предательски залились жаром. Она заморгала, споткнувшись о слова, не сумев даже связать половины мысли:

— Я... я ничего не... Это было... То есть... — Она тщетно пыталась подобрать хоть какую-то защиту или объяснение, исподтишка глядя на Ренну в поисках поддержки — но сама не до конца понимала, что тут происходит, а голос предательски дрожал.

Ренна всё это время неотступно наблюдала за мужчиной, не спуская с него напряжённого взгляда. Её поза стала ещё прямее, подбородок чуть дрожал — сейчас в ней было не только удивление, но и жёсткая решимость.

— Хватит! — резко сказала она. — Сейчас же объясни, кто ты такой, что ты здесь делаешь, и какого чёрта вообще происходит?! — Она намеренно встала между ним и Сариной, взгляд её был неумолим.

В комнате запахло грозой: и от резкого голоса Ренны, и

от хрупкой, дрожащей тишины в ответ. Мужчина чуть улыбнулся краем рта, глянул на Сарину, потом на Ренну — и, наконец, тяжело выдохнув, отвёл взгляд к потолку, будто собираясь с силами для долгого, запутанного объяснения. Мужчина чуть иронично склонил голову, посмотрел на девушек с тем самым озорным прищуром, который больше нервировал, чем успокаивал, — и сделал шаг в сторону одного из боковых проходов, скрытого между массивными колоннами.

— Пойдёмте, — небрежно бросил он через плечо, явно не заботясь, последуют ли они сразу. — У меня есть идея получше, чем допрашивать друг друга в этом мрачном зале. Там хотя бы можно присесть по-человечески. Гарантирую, гораздо уютнее и... — он сделал легкую паузу, поигрывая интонацией, — безопаснее для нервов.

Сарина и Ренна переглянулись. В этом взгляде таилось целое короткое молчаливое совещание: тревога, растерянность, зарождающееся недоверие, но и некая отчаянная надежда, что, быть может, где-то ближе к ответам. Сарина ещё чувствовала, как горят её щёки после предыдущих слов мужчины, Ренна же по-прежнему держала оборону, вся в напряжении, готовая отразить любую новую угрозу.

— Ну же, — с всё тем же кривым прищуром бросил он, оборачиваясь ещё раз, — не бойтесь, я не кусаюсь... по крайней мере, пока.

От этого замечания в голосе Ренны сквознуло раздражение. Она вскинула подбородок, но прежде чем сказать что-то

резкое, Сарина кивнула едва заметно, словно пытаясь убедить саму себя: это шанс разобраться.

Решившись, они шагнули за мужчиной, уходя вслед за ним в глубину полутёмного коридора. Гулкая тишина галереи осталась где-то позади, а впереди уже маячил новый, пока неизвестный перелом истории.

Они ступили в полутень коридора, и мужчина перед ними двинулся вперед без оглядки, будто был здесь стражем, хранителем или привычным обитателем этих залов. Но Сарина с Ренной едва ли шли за ним по-настоящему послушно: на каждом шагу между ними будто жила своя, только им понятная, нить — попытка понять, насколько друг другу можно доверять, и что вообще считать реальным в этих новых декорациях.

Пару раз, настигнув новую нишу или дверь, где парили лепные птицы в мраморных венках, Сарина ткнула Ренну локтем в бок, удивлённо шепча:

— Гляди, видела?.. Такое даже на выставках не в!

Ренна фыркала, то тихо смеясь, то грозно цокая языком, но уже не могла скрыть детского восторга. Их шаги отзывались в ротондах тушью органа, по сводам носились затейливые силуэты, а сквозь витражи в пол ложились зримые языки ещё того самого странного света. На стенах сменялись портреты и аллегории, где вглядывались в души путников хищные птицы и плакучие королевы в лазурных одеяниях.

— Вот эта вон, — Ренна молнией ткнула пальцем на вычурную вазу в виде морской раковины, из которой выходили фарфоровые ручейки, — я бы такую домой утащила!

Сарина хмыкнула, зато сама притормозила у зеркала — листья узоров на раме шевелились от малейшего движения воздуха, и отражение вглубь смотрело как бы внимательнее, чем все гляцевые экспозиции столичного музея.

Временами им обоим казалось совершенно невозможным, что ещё недавно всё вокруг было страхом и отголоском кошмара. Здесь же вошли куда-то в предел грёз, в коридоры между эпохами, будто за стеклом галереи укрыто само сердце чьей-то фантазии.

Периодически, когда мужчина останавливался у очередной массивной двери или арки, они бросали друг на друга многозначительные взгляды: комбинация осторожного любопытства и немого вопроса «ты это всерьёз видишь?». Иногда толкались мягко плечом, а иногда подталкивали друг друга вперёд — испытать, вдруг следующая комната подарит ещё больший восторг или, наконец, долгожданный ответ.

Они шли в этот невозможный, роскошный лабиринт, и неожиданно в нём оказалось место не только страху, но и светлому изумлению.

Мужчина остановился у очередной массивной двери, обитой тёмной кожей и украшенной кованым узором в виде переплетённых ветвей. С хищной вежливостью он распахнул

её и, удерживая створку, жестом пригласил Сарину и Ренну пройти первыми. В этот момент он ненавязчиво придвинулся ближе, и когда Сарина оказалась рядом, между ними на краткий миг осталось всего несколько сантиметров. Его взгляд скользнул по её лицу почти невесомо, но этого было достаточно, чтобы по щекам Сарины разлился пунцовый румянец. Она слегка замедлила шаг, чувствуя это прикосновение без прикосновения, и только потом робко прошмыгнула мимо, изо всех сил стараясь не встретиться с ним взглядом.

Ренна, нисколько не стесняясь, прошла следом, окинув мужчину долгим подозрительным взглядом, но больше не сказала ни слова.

За дверью открылась трапезная, пространство которой поражало воображение своим размахом и величием. Высокий потолок терялся в полумраке, где-то вверху скользили переливы тёплого света. В центре тянулся длинный стол из тёмного дерева, окружённый тяжелыми резными стульями — не простыми сиденьями, а настоящими тронами. От массивного камина тянуло лёгким ароматом дубового дыма, а на стенах мерцали золотые отблески свечей в богатых канделябрах. Здесь всё предрасполагало к долгим разговорам, тайным советам и неминуемым откровениям.

Здесь не было привычного холода старых залов. Воздух наполнял мягкий свет свечей в канделябрах, где-то сбоку мерцало пламя в гигантском камине, от него исходил лёгкий аромат дубового дыма и невидимых трав. Всё вокруг гово-

рило о вечерах, наполненных разговорами, смехом, судами и тайнами.

Мужчина закрыл за ними дверь и пожал плечами с той же ироничной улыбкой:

— Думаю, это место подойдёт лучше для расстановки «по полочкам», — сказал он, скидывая с плеч лёгкую накидку и проходя к центру зала. — Здесь хотя бы никто не помешает нам... наконец познакомиться как следует.

Сарина невольно скользнула ладонью по краю стола, чувствуя под пальцами гладкость дерева. Ренна остановилась чуть в стороне, по-прежнему держась настороженно, но в глазах её отражался всё тот же невольный интерес — слишком уж завораживающей была эта странная роскошная комната.

Мужчина жестом указал Ренне одно из свободных мест, после чего подошёл к стулу поближе к себе, специально отодвинул его и обернулся к Сарине. Взгляд его был мягким, полным доброй усмешки и одновременно ожидающим. Сарина, ощутив это молчаливое приглашение, чуть растерялась, но всё же села. В тот же миг мужчина плавно придвинул её стул к столу — и, словно случайно, его пальцы легко скользнули по её волосам. От этого едва заметного жеста напряжение в воздухе стало почти осязаемым: теперь между ними витало не только предвкушение откровенного разговора, но и что-то личное, ускользающее, тревожное.

Незнакомец без лишних слов отошёл к внушительному

стеклянному шкафу у дальней стены. Дверца отворилась мягко, без скрипа, и он уверенно достал три изящных бокала — тонкое стекло звякнуло в его руках, ловя отблеск свечей из-под потолка. Затем он потянулся на верхнюю полку и снял оттуда прозрачный кувшин, похожий на хрустальный. сквозь гранёные стенки отливала густым багрово-красным цветом незнакомая жидкость.

Свет играл в кувшине, будто сама его глубина таила скрытую притягательную угрозу. Мужчина вернулся к столу и, ловко разливая напиток по бокалам, спросил с лёгкой улыбкой:

— Думаю, наш разговор заслуживает небольшой церемонии. Не бойтесь, это всего лишь местные традиции.

Сарина и Ренна переглянулись — в взгляде подруг пробежала неверная тень тревоги, но отказаться от приглашения — значило бы прервать этот зыбкий мир новых загадок.

Бокалы наполнились струящейся темной жидкостью. Мужчина занял своё место во главе стола, грациозно взял бокал, и, взглянув на девушек через рубиновую толщу напитка, произнёс:

— За новые открытия. И за то, чтобы прошлое наконец стало понятнее настоящего.

Он медленно поднёс бокал к губам, взгляд его был одновременно и серьёзен, и немного лукав. Сарина и Ренна переглянулись, тени сомнения и тревоги отразились в их глазах. Но, поколебавшись лишь мгновение, они всё же подняли бо-

калы и осторожно сделали по небольшому глотку багрового напитка. Вкус оказался неожиданно мягким, чуть тёплым, с оттенком терпкой сладости, и на языке остался лёгкий, почти неуловимый привкус трав.

Мужчина с заметной усмешкой склонил бокал в их сторону.

— Странно, — протянул он, ни на миг не скрывая насмешки, — вы смотрите на меня так, будто я хочу вас отравить. А ведь не так давно, когда одна из вас протягивала мне пищу, а другая — воду, я принимал и т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.